

КНИГА 2

ОЛЬГА ВОЛКОВА
Запретные
СЕТИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ольга Волкова
Запретные сети

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волкова О. А.

Запретные сети / О. А. Волкова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Он - восточный принц. Она - дочь двух кровей. Восточные легенды гласят, что танец живота способен лишить мужчину рассудка. И легенда воплотилась в реальность. Невероятный чувственный круговорот событий сталкивает героев лицом к лицу, раскрывая истинное отношение друг к другу. Но так ли легко им дастся спокойное счастье, когда вокруг кипят семейные тайны и их разборки? Ведь всё тайное всегда становится явным. Роковые ошибки родителей в прошлом всегда имеют отклик в будущем их детей. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Волкова

Запретные сети

Пролог

Когда долго и упорно к чему-то стремишься, всегда на пути встречаются подводные камни. И теперь, чтобы их обойти, приходится жертвовать самым ценным. Набираю определённый набор символов в своей программе – нули и единицы, для меня они подобны нотам в музыке, льются рекой и превращаются в рабочую строчку. С помощью этой строчки я навсегда скрою то, что может причинить боль моей семье. Навсегда затерять отрезок времени, который способен разрушить наше настоящее и будущее.

– Ты закончил? – спрашивает Роман, когда ему на мобильный приходит оповещение, что отец ждёт его у себя в кабинете. Я снова перепроверяю код доступа, стираю все данные, затем отключаю "маячок". – Да я закончил.

На выходе мы распрощались с другом, я не заметно покинул здание, словно меня никогда там и не было.

Дома меня ждёт большой разговор с отцом. И думаю, ему не понравится моя идея, но, по крайней мере, иного выхода я не вижу. Спустя пару часов стою перед правителем, своим отцом, он приехал сюда с рабочей командировкой. Уже с порога почувствовал, что я не в духе.

– Салам аллеикам, Самир, – приветствует меня и слегка кланяется. Тоже самое проделываю и я. – Как дела в университете? – интересуется отец.

– Всё нормально. Остался последний рывок.

Башир улыбается, потирает руки, наконец, сможет передать право главенства сыну, которым теперь я вынужден пожертвовать.

– Есть разговор, – начинаю я, отец внимательно рассматривает меня, затем кивает головой, чтобы я продолжил, – Я отказываюсь от трона. – Произношу чётко и резко. Отец уставился на меня, словно видит впервые.

– Что ты сказал? – говорит не спеша, но в вопросе уже заложена угроза. – Ты не посмеешь этого сделать, Самир.

– Теперь посмею, – настаиваю на своём, затем достаю из сумки флешку, на которой та самая строчка, скрывающая все тайны отца.

– Что это? – спрашивает у меня, в глазах презрение, но моментом проскальзывает любопытство. Отец никогда не одобрял моей профессии, хотя сам по уши связан с ней.

– То, что было в скрытых файлах Верховского.

Отец бледнеет на глазах, кажется, даже растерялся, садится на стул перед рабочим столом, дыхание сбивается. Испугавшись его нынешнего состояния, мигом отказываюсь возле него, подаю стакан воды, тот залпом его выпивает.

– Какого чёрта, да простит меня Аллах, ты делал в компании Давида? – отец пришёл в себя, уставился на меня, на лице отображаются страх, смешанный с удивлением.

– Дело наматилось, – просто отвечаю и вновь подаю воду. Отец отказывается от неё, что-то лихорадочно соображает. Но нашу частную встречу нарушает вошедший кузен. Весь светится, словно нашёл янтарную комнату, затерянную во времени. Походка вальсяжная, слишком самоуверенная.

– Почему без предупреждения, – отец встаёт с места и зло смотрит на Бахтияра, я также стою возле отца, сложил руки на груди, мы оба ждём от кузена ответа.

– А где же приветствие? – с ухмылкой поддевает Бахтияр моего отца.

– С чем пожаловал? – теперь уже я задаю ему вопрос. Кузен оценивающе прошёлся по мне, кивнул в ответ, затем достал несколько бумаг и швырнул на стол отца.

– Вот с чем.

Мы с отцом переглянулись, но всё-таки что-то почувствовали оба, холодок пробежался по спинам, предупреждая о надвигающейся бури. Отец взял документ, прошёлся по нему взглядом, по его поведению стало ясно, Бахтияр смог выведать то, с чем пришёл я сам.

– Твои условия, – коротко проговорил отец, а улыбка кузена стала ещё шире, теперь у него есть козырь, способный управлять, даже самим Баширом Абим Али Кханом.

– Трон.

С этой минуты начинает действовать наш договор: право первенства за молчание Бахтияра.

Глава 1

Самир.

– Ты готов? – спрашивает у меня механик, тем временем я уже сижу в автомобиле и надеваю шлем.

– Да, готов, можете запускать таймер.

Механик стучит по колесу, давая знак, что отсчёт начинается, я нажимаю педаль газа до упора, держу крепко руль, потому что тот от визга и вибрации шин начинает трястись. Стрелка спидометра моментально подскакивает к шести тысячам оборотам, машина трогается с места, оставляя за собой приличный след от протекторов.

– Хороший старт, – слышу в наушниках одобрение своего механика, – Задницу немного повело в сторону, но ты, Самир, молодец, удержал коня в стойле.

Я же молчу, никак не комментирую. Во мне бушует ураган, чувства нахлёстывают друг на друга, и теперь неясно, как с ними бороться. Скорость приближается к критической отметке, но я все равно продолжаю давить на газ, выжимая из машины все лошадиные силы, которые были заявлены в технических характеристиках. В мыслях до сих пор образ Амины, танцующей на сцене среди девушек. Не знаю, как охарактеризовать свои противоречивые ощущения: девушка не принадлежит мне, и я не имел никакого права заявлять на неё права, тем более в присутствии Бахтияра. Братец уверен, что в его положении ему всё доступно, любая женщина, на которую он успел положить глаз. Но только, он ошибается на этот раз, Амина не из тех девушек, которые должны прислуживать такому бессердечному гниде, как он. Мысленно возвращаюсь во вчерашний вечер, образы детально воспроизводят каждое движение её тела, заставляя меня нервничать, хотя я практически не знаю её.

Моя семья была приглашена на благотворительный аукцион, посвящённый одному известному художнику Василию Уварову, его картины настолько произвели фурор среди местной элиты, что те попросили устроить аукцион, где могли бы выкупить авторские работы. На одной из таких картин был эпизод, написанный маслом, в нем отображалась пустынная красота, обладающая притягательным свойством. Я стою перед этой работой, казалось бы, сплошные пески и холмы, но то, как господин Уваров передал вдали предстоящую бурю, будоражит мои чувства, заставляя каждый волосок встать дыбом. Кровь ощущает свои древние корни – кочевников, странствующих в этих долинах.

– Понравился шедевр? – позади себя слышу до боли знакомый голос, который узнаю, даже, если глаза будут повязаны материей. Оборачиваюсь и приветствую своего старого друга Макса Бесова.

– Салам алейкум, Максим, – слегка кланяюсь, как это принято у нас. – Какими судьбами тебя привело на торжество.

Максим ухмыляется, снова обращает внимание на картину, тоже что-то выискивает. Но чувствую, что друг напряжён. На нем смокинг – весь в чёрном, под стать своим бездонным черным глазам, ведь не зря ещё в компании ребят-коллег получил прозвище "бес", не столько по фамилии, сколько по необузданному характеру, снаружи молчаливый, но внутри, один чёрт знает, что творится у него внутри.

– Работа, Самир, работа, – уныло отвечает, затем хлопает по плечу, немного сжимает и в эту секунду глядит прямо в глаза, в них ощущается растерянность, но под маской силы и сдержанности, лишь хорошо знакомому человеку можно догадаться, что творится с Максом. Значит друг сейчас стоит перед сложным выбором так же, как я сам.

Нас приглашают в банкетную часть зала, где все гости рассаживаются по своим местам. Особое внимание уделяется правящей династии: Бахтияр со своими тремя жёнами усаживается посередине перед сценой, по правую сторону сидит моя семья, отец и мать, по левую сам

господин Уваров со своей юной дочерью Маргаритой. Ведущий объявляет о начале аукциона, а между ними идёт концертная пауза. Как хорошо, что тематический вечер был вынесен в шатёр перед самым красивым видом Абу-Даби, вдалеке виднеются огни города, восточная музыка льётся из динамика, заполняя пространство атмосферой традиций.

– Итак, дамы и господа, хочу представить вам картину под названием "Душа песков", – объявляет ведущий и на сцену приносят ту самую, на которую я смотрел полчасом ранее. В этот момент краем глаза замечаю девушку, одетую в паранджу, она осторожно пробирается между столами и наклоняется к Маргарите, дочери Уварова, девушка улыбается в ответ этой незнакомке – значит узнала её. Они обе что-то быстро обсудили, затем девушка в чёрном одеянии кивнула в знак согласия, вдруг обернулась в мою сторону, посмотрела на меня: взгляд её карих глаз до боли знакомый, но никак не могу вспомнить, где мог их видеть, и после скрылась из вида. Не знаю, что со мной произошло в тот момент, но я встал и собрался направиться за ней, затем на меня падает свет прожектора, ослепляет, а из динамиков слышится голос ведущего.

– Ваша цена, господин Кхан.

Немного растерявшись, решаю отшутиться, но все же упустил эту незнакомку.

– Насколько я помню – я не продаюсь. – Ведущий немного опешил, потом рассмеялся, в след за ним и зал заполнился хохотом. Я же улыбаюсь в ответ и спрашиваю: – Какова первоначальная стоимость картины?

Затем, вижу, как Уваров встаёт и подходит к сцене, просит отдать картину и микрофон. Мужчина, державший холст, подошёл, спустился со сцены, передавая хозяину его детище.

– Эту картину я хочу вручить Самире Кхану в подарок, – начинает Уваров, я же пытаюсь отказаться от щедрого подарка, но он мотает отрицательно головой, – Нет, не отказывайся. Это тебе на память и за помощь в организации этого аукциона.

– Что вы, это наша семья в целом, – отвечаю ему, прижимая ладонь к груди, кланяюсь. Только собираюсь взять в руки протянутую картину, как вдруг Бахтияр перехватывает её, чуть ли, не вырывая из рук Василия. Весь зал молчит и следит за каждым нашим движением, даже ведущий не решается прервать нас и продолжить аукцион.

– Я найду ей место в своём кабинете, благодарю за щедрость, – Бахтияр, не церемонясь, задевает меня плечом, слегка отталкивает в сторону, смотрит со злостью и говорит шёпотом, слова слышу только я один: – Не забывайся.

Никак не отреагировав на его реплику, оборачиваюсь к нему спиной, это злит моего кузена ещё больше. Чуть поодаль вижу Макса, тот показывает мне класс и улыбается во весь рот, отсалютовав ему в ответ, вновь присаживаюсь на своё место. Василий, прекрасно понял наш чуть ли не вспыхнувший конфликт, вовремя отошёл в сторону. Мы встретились с ним взглядами, он безмолвно просил прощения за этот инцидент, я улыбаюсь ему, и киваю в знак того, что всё нормально, затем вечер набирает обороты, картины автора распродают за баснословные деньги, некоторые отправятся в частные коллекции, другие же будут переданы музеям. Я очень рад за нашего друга семьи, что, наконец, его приняли – его творчество уникальное, способное взрывать воображение, высвобождать чувства, заставляет сопереживать, а главное любить.

Бахтияр продолжает сверлить взглядом мою сторону, злится от того, что он, по сути, клоун, непризнанный правитель, который теперь шантажом пользуется всеми королевскими благами, тратя семейный капитал налево и направо. Я устал наблюдать за тем, как он разоряет мой народ, но и сделать ничего не могу, потому как тогда с большой вероятностью между нами начнётся война.

Мама немного придвигает ко мне свой стул, наклоняется, придерживая меня за локоть.

– Не волнуйся, скоро придёт время, Аллах даст возможность расставить все по своим местам, – сжимает мою руку, словно просит обуздать свой темперамент, и не выпустить зверя, сидящего на протяжении долгого времени в клетке.

– Он заигрался, дорогая мама, пора спустить с небес на землю, – поворачиваюсь в её сторону, говорю тихо, чтобы услышала только она, – но я не представляю, как к нему подбраться, где его слабое место.

– Понимаю, – кивает мама, – посмотри со стороны, отпусти чувство мщения, возможно твой разум затуманился им, – затем снова поворачивается в сторону отца и как ни в чём не бывало продолжает смотреть шоу и следить за лотами.

Наконец, вечер подходит к концу, набрав приличную сумму от проданных авторских работ, Василий объявляет, что большую часть денег направит на восстановление приютов для детей-сирот, которым необходима финансовая поддержка. Звучат бурные аплодисменты, ведущий благодарит виновника торжества за удивительный мир искусства, затем принимает от Василия микрофон и произносит заключительную речь:

– Искусству жить – для художников это воздух. Пусть в каждом из вас останутся восхитительные моменты сегодняшнего вечера, – звучат аплодисменты гостей, – и в заключение волшебного мероприятия, хочется подчеркнуть восточные традиции, даря вам, дорогие гости, настроение наших девушек танцовщиц. Встречайте!

В шатре гаснет свет, но остаётся лишь один прожектор, направленный в центр сцены, начинают выходить девушки, одна за другой плавно передвигая бёдрами и руками, становятся в круг, затем опускаются на колени, все также покачивая свои тела волной, и в центре этого круга появляется девушка, облачённая в чёрный костюм, подчёркивающий каждый изгиб её тела. Во мне вспыхивают странные эмоции и чувства, вдруг захотелось встать и схватить её, увести подальше от других мужских взглядов, которые с интересом и похотью наблюдают за незнакомкой. Лицо девушки скрыто никабом, значит она не хотела, чтобы её узнали, но что-то есть в ней такое, будто я знал и знаю её уже очень давно. Глаза девушки встречаются с моими, завораживают и притягивают, манят меня с большой силой, и словно просят подойти, обнять, завладеть, будто этот танец исполняется только для меня. Незнакомка прерывает наш зрительный контакт, полностью отдаваясь своим плавным движениям. Обращаю внимание на своего кузена, тот чуть ли с не открытым ртом уставился на молодую танцовщицу, начинаю подозревать, что у этого наглеца назревает очередной план.

Музыка набирает обороты, девушки закружились на сцене, потом каждая спускается вниз, приветствуя и завлекая своим живительным танцем гостей. Незнакомка не торопится подходить к столам, словно ждёт, когда к ней подойдут сами и составят компанию в танце. Бахтияр промокает свой рот салфеткой, что-то рыкает своим жёнам, которые уставились на него, каждая с ненавистью и презрением, но не говорят ни слова поперёк. Он встаёт и направляется в сторону танцующей девушки. Защитный инстинкт вырвался наружу, и я тут же оставляю своих родителей, направляюсь следом за братом. Увидев нас обоих, глаза девушки забегали в поисках выхода, в них я прочёл испуг, но от чего, не ясно. Она прекращает танцевать, собирается уйти, но Бахтияр хватается её за руку и оборачивает к себе лицом.

– Куда это ты собралась, жамила (красавица). Девушка замирает на мгновение, но затем, опускает голову, пряча свои глаза. Подхожу ближе, внимательно всматриваюсь в незнакомку. Идеальное тело скрыто облегающей чёрной, почти полупрозрачной тканью, замечаю на бедре у девушки выступающий шрам от ожога, и словно в моём мозгу всплывает нужный файл, где когда-то Амина упоминала, по какой причине получила его. Не могу поверить самому себе, что передо мной стоит она, эта глупая, даже не представляет на что сейчас нарывается. И вообще, какого черта она исполняет здесь танцы, ведь насколько мне известно она работает только гидом. В груди растёт напряжение, от того, что не могу как, следует преподнести урок этой

девушке, чтобы она впредь не выставляла себя на показ, затем отбрасываю свои мысли в сторону, ведь она лишь частично восточных кровей, и возможно даже многие традиции ей чужды.

– Отпусти её, – приказываю своему брату. Бахтияр оскалился, а девушка продолжает молчать, тело выдаёт её напряжение, но от звука моего голоса она слегка расслабилась, по её глазам прочёл, что улыбнулась, а затем вновь её телом овладела скованность.

– Ещё чего? – отвечает кузен. – Иди туда, откуда пришёл, Самир. Не ищи проблем, – кивает головой в сторону телохранителей, те стоят неподалёку, в любую минуту готовые выполнить приказ правителя.

– Последний раз прошу, отпусти девушку по-хорошему, – в моём голосе слышится угроза, слова прозвучали с особенной интонацией, чтобы Бахтияр уловил каждое из них.

– С какой стати? – издевается он. Обнимает Амину за талию и притягивает ближе к себе. Сжимаю кулаки до боли, ещё немного и я точно потеряю рассудок, только собираюсь сделать шаг вперёд, намерен проучить эту тварь, как вдруг меня под локоть берет мать, держит крепко, сжимает, и тем самым даёт понять, что мы обратили на себя внимание посторонних людей.

– Амина, – обращаюсь к девушке. От неожиданности, она поднимает голову вверх, в глазах удивление, что я её узнал. – Дорогая, подойди к своему жениху.

В эту секунду у каждого второго присутствующего в зале повисла челюсть. Мама ахнула, затем хихикнула и отошла, подозреваю направилась на поиски отца, чтобы скорее привести в чувства, если он, конечно, услышал моё последнее заявление. Бахтияр опешил, но отпустил девушку, я протянул руку и Амина, не раздумывая вложила её в мою. От прикосновения прошёлся электрический разряд, мне кажется, это явление мы ощутили оба, притягиваю её ближе к себе, затем стягиваю никаб, чтобы каждый убедился, теперь эта потрясающая женщина принадлежит мне. Амина не сопротивляется своему обнаружению, даже слегка прижимается ко мне, и создаётся впечатление, будто мы и раньше сотни раз обнимали друг друга – это своего рода духовное притяжение тел, потерянное во временных песках.

– Это был сюрприз для Маргариты, да, дорогая, – специально отвожу разговор в другое направление, чтобы немного сгладить ситуацию.

– Да, Самир, – отвечает Амина, голос слегка подрагивает, но она не отходит от меня, все также стоит рядом.

Бахтияр не дурак, понимает, что его пытаются вести за нос, фыркает и намеренно оскорбляет Амину прилюдно.

– Конечно. Да кто же обратит внимание на испорченный товар, кроме самого Самира, – заливается смехом, хотя зал стоит безмолвно и наблюдает за нами. От этих слов Амина напряглась, а я рванул вперёд и всё-таки ударил своего правителя кулаком по лицу. Размах получился сильным, кажется, я почувствовал, что у Бахтияра треснула кость переносицы, у того мгновенно хлынула кровь. Кузен не ожидал от меня такой реакции, стал плевать бранными словами, а охрана, стоящая около границ шатра, мигом оказалась рядом. Я наставил указательный палец на них, предупреждая, чтобы не лезли сейчас, ребята кивают головами, знают своего истинного наследника трона.

– Ещё раз посмеешь, хоть как-то обидеть мою невесту, заплатишь слишком высокую цену за это, – в моём голосе отображается вся злость и реальность намерений. Бахтияр закинул голову чуть назад, затыкая нос ладонью, никто не осмелился подать ему полотенец или платок. Я подхожу к рядом стоящему столу, беру салфетку и кидаю ему в руки, тот ловит и прикладывает к носу.

– Самир, в следующий раз будут огромные проблемы, – угрожает мне, – Не забывайся, – вновь повторяет мне фразу, сказанную ранее, затем зло осматривает Амину, из-за которой получил.

Я хватаю Амину за руку, и мы покидаем шатёр. Девушка молчит всю дорогу, даже не спрашивает куда мы направляемся. Наконец, подхожу к своему автомобилю, раскрываю пас-

сажирскую дверь и почти насильно её усаживаю, хотя Амина вполне сама прекрасно владеет своим телом. Завожу мотор и трогаюсь с места, с визгом шин, оставляя позади себя праздничный аукцион. Надеюсь, Василий и его дочь не обидятся за испорченную часть программы.

– Самир, – обращается ко мне девушка, она испуганно уставилась на меня, потому что в эту секунду сжимаю руль до белых костяшек в пальцах. Она ладонью прикасается к моему плечу, пока я несусь по дороге с бешеной скоростью. – Пожалуйста, прости, что так всё вышло, – в голосе слышится грусть, – Я правда не намеревалась вас ссорить с братом, – она вновь усаживается в кресло, теперь закрывает глаза ладошками, приглушая звук своего плача. Я резко жму по тормозам, во мне кипят не понятные мне чувства, от которых распирает не на шутку, но видеть, как Амина льёт слёзы, думая, что навредила мне, это невыносимо, потому что здесь она совершенно не при чём. Останавливаю машину на обочине, глуша полностью мотор, ещё раз собираюсь с мыслями.

– Что ты делала на сцене? – почти рычу на неё, она ещё сильнее вжалась в кресло. О, нет, нет, я не хочу, чтобы она видела моего внутреннего зверя, эта девушка достойна лучшего отношения. – Прости, – тихо проговариваю слова, а сам ещё сильнее сжимаю руль, во мне кипит ярость, от того, что брат переходит все границы, и умело нами манипулирует. Я в бешенстве, что не могу добраться до него, найти, хоть какую-либо его оплошность. Бахтияр умело подтёр свою жизнь. Он коварен и опасен. Не в том, что может нанести удар семье, а в том, как это преподнести на всеобщее обозрение.

– Амина, ты ведь понимаешь, что Бахтияр не просто так подошёл к тебе? – задаю ей вопрос. Она по-прежнему скрывает лицо в ладонях, но кивает головой. Всем было ясно в тот момент, что правитель собирался заявить на всю округу о новой спутнице так же, как поступил со своими тремя жёнами. Все три женщины были из простых семей, а Бахтияр, заявляя на них права, просто пользовался ими, словно они для него были рабынями, властвовал над ними. Уж кто тут забылся, так это он. – Что нам теперь делать? – уже немного остыв спрашиваю у неё. Она смахнула слёзы, улыбается, затем её берет хохот, следом за ней начинаю смеяться и я. Потом резко замолкаем, уставившись друг на друга, одна секунда и я хватаю Амину за голову, притягивая девушку к своим губам. Время словно остановилось, когда я прикоснулся к её нежному рту, завладев этими сладкими губами, о которых мечтал давно, но не подозревал насколько сильно. Амина вкладывает в поцелуй всю свою душу, но затем прерывает его, касаясь моих губ пальцами. Глаза затуманены страстью, но оба понимаем, что дальше продолжения не последует.

– Отвези меня домой, Самир, – тихо просит, и садится обратно на своё место. Момент упущен, смирившись с этим, я тоже вернулся в своё прежнее состояние, сладко-горькое, завёл мотор, увозя нас подальше от волшебного мгновения.

– Самир, ты слышишь меня? – голос в наушнике возвращает меня обратно в реальное время. Будто очнувшись ото сна, понимаю, что машину уже рвёт от сильного скоростного режима. Сбавляют темп, затем останавливаюсь на пит-стопе.

– Ты с ума сошёл, – ругается механик, – мы, конечно, обещали тебе сделать её мощной, но не настолько же, Самир. Ты что взлетать собрался? – не унимается ругать меня мужчина. Я тем временем вылезает из кабины пилота, отдаю шлем ему в руки, безмолвно прошу прощения, хотя на душе до сих пор противоречивые чувства от вчерашнего вечера. Вопрос между нами с Аминой так и повис, я заявил на неё права, тем более в присутствии многих, в том числе отца и матери. Я намерен сдержать своё слово, вот только всё зависит от неё самой, потому как за ней останется конечное решение.

– Гонка намечается уже в эти выходные, – вдогонку кричит механик. Я разворачиваюсь, отсалютовав ему, вновь возвращаюсь к тому, что собираюсь поехать к Амине домой, чтобы вместе принять решение, как нам быть. Безусловно, понимаю, что мой поступок неоправданный, возможно даже Амина посчитает меня глупцом, как и многие знающие меня люди, но

теперь Бахтияр запустил свои лапы в сети, даже, если Амина ему не нужна, он понял, что она дорога для меня и попытается использовать это с максимальной выгодой.

Глава 2

Самир

Любая тайна подобна песчинке, затерявшейся в огромных песках, но стоит буре пронестись по просторам, где сильные ветра оставляют за собой видимый след, и та самая песчинка либо остаётся на поверхности, либо навсегда исчезнет среди других. Я нутром чувствую, что эта буря близится, но не понимаю, в каком направлении она ударит по моей семье. Бахтияр слишком долго управлял нами, манипулировал моим отцом, но, главное, он не может властвовать надо мной, и именно в этом было моё преимущество перед ним, а теперь между нами встала Амина. Кузен воспользуется любой возможностью, чтобы отомстить мне за его позор среди местной элиты, даже солдаты остались верны своему истинному правителю, но не фальшивке. До сих пор меня останавливает только то, что брат может здорово опозорить весь наш род – благородную династию Кхан.

Подъезжаю к дому, где проживает семья Амины, намереваюсь поговорить с её отцом, назначить калым с его стороны, обговорить все детали, чтобы после у семьи жены не было никаких обид. В голове так и не укладывается эта мысль, что я приехал просить руки у господина Фархада. Конечно, я знаю, что он далеко не из бедных людей, но за свою дочь он попросит самую максимальную цену. А главное, мне бы хотелось поговорить с Аминой, возможно, она вовсе не готова к такому повороту событий, но это единственный способ уберечь её от рук Бахтияра.

– Господин, Кхан, – приветствует Фархад, затем приглашает меня в дом, направляясь в его кабинет. Уверен, до него уже дошли слухи о моем предстоящем визите. – Не ожидал вас так скоро.

– Салам алейкум, – приветствую его в ответ и кланяюсь, выражая почёт и уважение. – Я к вам с деловым предложением. Но, с вашего позволения, хотел бы сначала переговорить с Аминой, – прошу у её отца личной встречи. Фархад уставился на меня, будто бы я оскорбил его этими словами, затем я добавляю: – Конечно же, в присутствии её матери или сопровождающей.

Фархад кивнул, затем позвал одну из прислуг, велел пригласить Амину и его первую жену Рамилю.

Пока мы ожидали их в кабинете, хозяин предложил чай, приготовленный из тростникового волокна и листьев лаванды, вкус совершенно неожиданный: из сладко терпкого сочетания, напиток раскрывался цветочным ароматом.

– Я слышал о вашем конфликте с кузеном, – начал Фархад, наслаждаясь вкусом чая, затем смотрит мне в глаза, ищет свои собственные ответы, на которые даже у меня нет и своих. – Ты ведь знаешь, что Амина не чистых кровей.

Я киваю головой, затем, поставив на столик чашку, сложил перед собой руки, обдумывая слова, которые хочу произнести в слух.

– А разве сейчас это имеет значение?

Фархад не двусмысленно уставился на меня, на лице удивление.

– С каких пор правящая династия принимает не чистых? – вопросом на вопрос отвечает мужчина. Затем усмехается и тоже ставит на стол чашку.

– Разве мы говорим об арабских скакунах, раз вы сравниваете своё же дитя, – отвечаю Фархаду. Он, немного обдумав свой ответ, вздохнув, отвечает.

– Глупо считать, Самир, что это сравнение абсолютно эгоистично с моей стороны, – разводит руками, – но такова реальность, друг мой. Женщины всегда подобны товару, и чем чище кровнее её родословная, тем выше цена.

Меня возмущает сам факт, что Фархад ведёт со мной переговоры, будто продаёт свои услуги. Этот человек всегда был мне омерзителен, а сейчас это чувство утроилось. Амина никогда не говорила о своей семье и жизни в целом, возможно, просто я не задавал ей подобных вопросов. Теперь мне дико не хватает этих крупниц, чтобы защитить девушку от лап своего кузена, и похоже ещё и от отца.

– Но она же ваша дочь, неужели вас смущает сам факт, что посмел назвать своей невестой?

– Вот именно, посмел, – Фархад уставил на меня указательный палец, – Самир, вы совершенно забыли об истинных традициях нашей страны. Живёте по современным меркам, – затем замолкает, – Амина выросла не здесь, и некоторые обычаи для неё до сих пор в диковинку. Конечно, для меня это честь, если её мужем станет один из вас...

Не успев дать ему договорить, прерываю.

– Что значит один из нас?

– Династия Кхан действительно устоявшаяся, и мне это только на руку, – пожимает плечами.

– Не понимаю, о чём вы, – продолжаю смотреть на Фархада, жду его продолжения, но он молчит.

– Мне не важно, кто возьмёт её в жёны, ты или Бахтияр, – вот так просто говорит Фархад, словно не о дочери идёт речь, а о скоте, выставленного на базаре. Мне стало противно, хотелось встать и врезать старику за такие обидные слова, произнесённые о своей собственной дочери. – В любом случае, Амина получит вашу фамилию, возможно, даже подарит наследника. Кто знает?

– В чём же ваша выгода, – если Фархад решил играть в партию, тогда и я составлю ему компанию. Не дело, когда оппонент остаётся в одиночестве. Фархад вновь ухмыляется, кладёт ногу на ногу, хозяин почувствовал своё преимущество, но пока сам не знает, что это далеко не так.

– Ну сам подумай, тебе она станет первой женой, само собой право первенства, хотя, – мужчина закинул голову, словно что-то вспомнил и теперь обдумывает свои мысли, – что касается права первенства, как долго Бахтияр намерен оставаться на нынешнем посту?

– Столько сколько потребуется, – коротко отвечаю, не желаю сидеть и развивать эту тему дальше, чем положено. Если Фархад заговорил таким тоном, наверняка, по элите слухи разнеслись о внезапном изменении решения права унаследования трона, конечно, многим пришлось не по душе подобное решение моего отца, но цена есть молчание, и будет она действительна до тех пор, пока в ней есть необходимость.

Фархад мой ответ категорически не понравился, но не решился мне перечить. Я понимаю в чём состоит его выгода от этого брака, расширятся возможно ведения собственного бизнеса, круг лиц увеличится втрое, а то и больше, связи и возможности – все это идёт в придачу с титулом королевской семьи. Люди жестоки по-своему, алчны, готовые пойти по родным головам, лишь добиться заветной цели. И этот мужчина, сидящий передо мной, глубоко верующий Аллаху и чтящий наши традиции, говорит о выгоде, когда как меня отчитал за современность. Мысленно смеюсь над ним, а сам продолжаю сидеть, теперь уже в напряжении. Постепенно возрастает злость и желание, как следует объяснить этому старику о всех гранях королевской семьи, что он далеко не так представляет о радужной жизни с такой привилегией. Так же, как и мой кузен, ослеплённый этой властью и жадной главенства.

– Что ж, Самир, сейчас я не могу тебе что-то ответить, дать гарантии. – Фархад разводит руками, когда говорит о гарантиях, последнее слово заставляет меня обратить на это внимание.

– О каких гарантиях вы говорите, господин Фархад?

Старик ухмыляется, вновь берёт свою чашку, подносит к губам, причмокивая, смакует его вкус.

– Ну, ты ведь понимаешь, что Амина далеко не традиционная девушка, и какой образ жизни вела в России, где у женщины гораздо больше вольности, чем здесь, – подмигивает глазом, намекая, что его дочь может быть не девственницей. Я продолжаю молча смотреть на мужчину в упор, боюсь реально сорваться, сейчас жалею, что приехал без своего отца, возможно его мудрые слова могли бы заткнуть эту продажную сволочь. Как будто сейчас имеет значение является ли девушка нетронутой. Чем же мужчины отличаются от женщин, когда не хранят себя для благоверной. Безумие, и только.

– У вас есть сомнения в собственной дочери, Фархад? Или, полагаете, мать Амины недостаточно получила за связь с вами, – начинаю давить на старика, зная некоторую подноготную о нём. Фархад краснеет на глазах от злости, затем встаёт, и я одновременно вместе с ним. Мужчина направляет на меня указательный палец, рука дрожит, понимаю, что задел очень личную тему, но удар всегда наносится ответным поражением.

– Ты заявился ко мне в дом, просишь благословения Аллаха и разрешения на женитьбу, и смеешь мне указывать на мою жизнь! – Фархад сорвался на крик, но мужчина не решается пересечь черту, после которой обратного пути не будет. В этот момент заходят Амина с Рамилей, обе испуганные, смотрят на Фархада, пытаюсь предугадать его поведение. Рамиля моментально опускает глаза, когда встречается с чужим мужчиной, но не Амина. И меня берёт гордость за эту девушку, но, к сожалению, не её отца. От подобного и открытого отказа подчиняться правилам дома, где она живёт, Фархад не на шутку разозлился.

– Амина, опусти глаза, – рычит он, но она даже не пошевелилась выполнять его приказ. Фархад подошёл к ней, я же стою на месте. Даже, если мне хочется наградить старика хорошей поркой за ужасное обращение к дочери, я не имею права хозяйничать в его доме. – Опусти глаза, девчонка, и где твой платок, неблагодарная?!

– Нет, – коротко отвечает она. – Моя мать никогда не опускала перед тобой глаза, не жди, что я стану это делать.

– Твоя мать, – рычит Фархад, ноздри раздуваются от частого дыхания, – твоя мать сама выбрала эту учость. И ты нарываешься получить по заслугам, как и она.

– Ты до сих пор не можешь простить её, за то, что не родила наследника, – Амина тоже уже не сдерживает своих эмоций, Рамиля пытается остановить девушку жестами, дёргает за кисть, но та не реагирует на её предупреждения.

– Не смей произносить этих слов в моём доме, девчонка, или ты забыла, я могу вспомнить, как ты опозорила мою семью, работая моделью, напоказ выставляя своё тело, словно продажная шлюха, – Фархад выплёвывает всю скопившуюся злость на дочь, но Амина лишь кивает головой, как бы показывает отцу своё недовольство, за обидные слова. Она достойно принимает его словесные удары.

– Я выживала, как могла. Спасибо, отец, навсегда усвоила урок, – тихо произнесла она, лишь одним им известно о каком уроке идёт речь. Фархад лишь фыркнул. – А ты бросил меня и мать на растерзание в эту никчёмную жизнь, – Амина отходит немного в сторону, так, чтобы увидеть меня, затем говорит:

– Самир, я принимаю твоё предложение.

Я стою неподвижно, понимаю, если скажу слово поперёк, Фархад не согласится на сделку, и Амине достанется больше, чем она сможет вынести.

– Уже, не принимаешь, – рычит Фархад, – лишь я имею право распоряжаться твоей судьбой, а ты примешь её такой, как я посчитаю нужной.

Столько злости и ненависти девушка слышит от своего родного отца, но Амина лишь выставила вперёд подбородок, ещё сильнее разозлив Фархада. Замечаю, что мужчина сжимает кулаки, пытается обуздать в себе свою злость, но у него ничего не выходит, только решает замахнуться, я тут же хватаю его за руку, предотвращая удар. Амина тем временем, приготовившись получить за отказ, закрыла глаза, но затем распахнув их, испытала облегчение, а

после неуверенность. Ясно, за девушку никто не смел заступаться раньше, и одному Аллаху известно, сколько она натерпелась от собственного отца.

– Фархад, – держу его за руку, предупреждаю о последствиях, – я пришёл смотреть не на то, как вы преподаёте своим членам семьи уроки.

Вырвав свой локоть из моего захвата, Фархад вернулся на место, молча сел и приказал всем остальным усесться.

– Мне нужно переговорить с Аминой лично, – напоминаю ему. Старик зло уставился на меня, затем отвечает:

– Разговаривать будете при мне.

– Фархад, – Рамиля осмелилась обратить на себя внимание. Бедная женщина запугана до смерти, но я чувствую, что на мужа всё же повлиять может, потому как в глазах Фархада пронеслась искорка мягкости, когда услышал голос своей жены. – Позволь молодым обсудить этот важный шаг. Тем более в моём присутствии.

– Амина, – теперь мужчина обращается к своей дочери, – Не забывай, что ты пока принадлежишь моей семье.

Амина с ненавистью в глазах проводила отца, когда тот покидал кабинет.

– Амина, – зовёт Рамиля, – я же просила тебя не перечить ему, ну хоть меня не подставляй, прошу тебя.

Девушка сжалась перед женщиной, обняла и теперь уже обратила внимание на меня.

– Самир, прошу прощения за эту выходку, – она кланяется головой передо мной. Я встаю с дивана и становлюсь на одно колено перед ней. Рамиля отошла в сторону, дав нам возможность переговорить наедине, я благодарен этой женщине за эту возможность. Беру Амину за руки, сжимаю крепко, они настолько шелковистые и мягкие, я бы сказал могли с уверенностью посоревноваться с шёлком и бархатом. Ведь Амина далеко не брезгует работать руками, её сад на центральной площади живёт только благодаря её душе.

– Ты уверена, что готова пойти на это? – задаю единственный вопрос.

Амина колеблется.

– Самир, я боюсь лишь того, что последует после нашего соединения. Понимаю, ты сгоряча назвал меня своей невестой, – улыбается мне, но в глазах печаль, я ещё крепче сжимаю её руки в своих, смотрю в эти загадочные карие глаза, которые весь вечер манили своим таинством. – Возможно, даже жалеешь теперь, но, как истинный мужчина не отступишь, и не откажешься от своих слов.

– А как же тот поцелуй, Амина, – шёпотом напоминаю о волшебном мгновении, – неужели этого недостаточно, чтобы выяснить, сможем ли мы преодолеть эти препятствия.

Амина качает головой, как бы безмолвно говоря, что понятия не имеет.

– Если ты дала согласие только для того, чтобы сбежать из дома, – с некоторым огорчением произношу слова, – тогда я помогу тебе это сделать. После заключения договора о браке, ты получишь свободу.

Я опускаю её руки, встаю с колена, на душе тяжело, что девушка не испытывает ко мне абсолютно ничего, для неё я своего рода отличный билет к свободе.

– Самир, – она встаёт и обнимает меня, притягивая мою голову ближе к своей, и почти у губ шепчет, – то мгновение навсегда в моём сердце.

Глава в глаза, момент утерянный вновь объял нас вместе.

Я затаил дыхание, готовый принять её губы в новом, так нужном мне, поцелуе, чтобы вновь воспроизвести в памяти её сладкий вкус, но затем, увидев нашу тесную связь, Рамиля срывается с места и почти отдёргивает Амину из моих объятий.

– Амина, о Аллах, за что ты меня наказываешь, послав эту непослушную девочку, – Рамиля отводит её в сторону и в эту секунду входит Фархад.

– Жду твоего отца и советника, но не раньше, чем через три дня. Даю тебе эти дни на размышления, – с ухмылкой произносит свою речь, – вдруг всё-таки одумаешься.

– Моё решение не подлежит обдумыванию, господин Фархад, – киваю головой. – Если передумаете вы, – я замолкаю, смотрю на Амину, а она на меня, – тогда я выкраду её. И у вас уже не будет никаких прав ставить мне условия, и уж о королевском титуле вы навсегда забудете.

С этими словами я покидаю дом своей невесты. По пути к своему, набираю на приборной панели автомобиля, номер телефона своего друга.

– Салам алейкум, Максим, ты ещё в Абу-Даби? – с ходу задаю вопрос. В телефонной трубке слышу дыхание, затем последовал ответ:

– Самир, что конкретно тебе от меня нужно, – коротко и ясно Максим обрубаёт меня на полпути, бес действительно пребывает в собственных проблемах.

– Насколько помню, ты сейчас по обмену тут, – начал я, Максим перебивает.

– Что-то я не помню, чтобы говорил об этом тебе, – затем снова молчит, – Опять в игрушки играешь? – отчитывает меня друг.

– Ну, ведь должен же был я знать по какому поводу мой друг ошивается в моих краях, – отшучиваюсь, – а если серьёзно, мне нужна твоя помощь.

– Уж кто бы мне помог, – на выдохе произносит Максим, я уставился на панель, не веря своим ушам, что услышал от беса крик безысходности.

– С тобой все в порядке? – задаю ему вопрос.

– Более чем. Не бери в голову. – Вот теперь я узнаю своего друга молчуна. – Могу подъехать через пару часов. Будет удобно?

– Конечно, жду. – Отключаю на руле кнопку звонка и продолжаю давить на газ, по трассе скорость совершенно не ощущается, и бывает так, словно ты паришь, если полностью погружаешься в это чувство, кажется, время становится не подвластным, но это не так. Время всегда имеет власть над человеком. Пока в настоящем не изобрели машин, благодаря которым мы могли бы путешествовать, и возможно, я бы с удовольствием ею воспользовался, чтобы исправить всю отцовскую заваруху. Подъезжаю к своему дому, ставлю машину во дворе, всегда так делал, хотя мама не любит, когда вид красивых клумб портят железки. Но со стороны мужчины можно ответить и так: это трава портит всю картинку дома и двора, и тем более украшение в виде спорт кара. Сам себе усмехаюсь под нос, хотя душа болит за Амину. Если её отец постоянно терроризирует свою дочь, не понятно, почему мстит за мать и чем вообще ослеплён, ведь Амина – это драгоценный камень, душа, светлая и добрая девушка. И ведь она права, каждый по-своему выживает, Аллах наградил её исключительной красотой, и она смогла ею временно обеспечить жизнь, пока отец снизошёл до неё. Хочу оставить напоследок эту мысль, более детально разобраться и понять истинную причину. Когда я впервые познакомился с Аминой, девушка показалась душевно раненной, но я был слеп тогда, потому как мысли были забиты семьёй Верховских. И упустил момент, ту связь, которую я нашёл, когда, Амина чуть не погибла от передозировки снотворного. Мне показалось, если с ней случится несчастье, то я навсегда потеряю смысл бороться за попытку быть счастливым, но если для Амины счастье – это стать свободной, то кто я такой со своими желаниями, сделаю всё, что потребуется, чтобы она смогла стать счастливой.

– Мама, – кланяюсь перед ней, целую в обе руки. – Я думал, что вы покинули мои владения, ведь отец вернулся.

– Самир, дорогой, я ждала твоего приезда, чтобы поговорить о вчерашнем, давай пройдем в дом, – затем смотрит на мою машину, хмурится, – опять весь вид испортил.

Мы вместе рассмеялись и вошли в гостевую, расположившись на диванах в куче подушек, мама разлила в чашки, заранее приготовленный, чай,

– Не понимаю, как ты успеваешь превращать моё холостяцкое убежище в дом, будто здесь живёт гарем, – принимаю чашку, благодарю её. Мама, словно наказывает меня, пару раз тряхнула указательным пальцем.

– Уж теперь твой дом действительно наполнится женским ароматом, – начала она, – полагаю, ты уже съездил к Амине?

Согласно киваю головой, но молчу.

– Думаю Фархад не сразу дал согласие, – мама задумчиво разглядывает свою чашку, выискивает всю правду, испив глоток напитка, – Самир, ты действительно намерен жениться, или есть подтекст?

– Амина благородная девушка, которую мы знаем уже не первый год, она добрая и искренняя, в отличие от тех, которых пытаются со мной сосватать.

Мама смеётся, затем встаёт и садится рядом.

– Я рада, что твои глаза, наконец, раскрылись, пусть даже и таким образом, – в голосе грусть.

– Что тебя беспокоит? – задаю ей вопрос, уловив её настроение.

– Бахтияр не остановится, Самир. После свадьбы, я бы предложила вам уехать.

– Нет, мама, – качаю отрицательно головой, – мы никуда не уедем, тем более Фархад ещё не дал согласия и не озвучил условия. Что касается самого Бахтияра, мне все время кажется, что я упускаю какую-то влажную, но очень маленькую деталь, и от этого на душе нет покоя.

Мама сжимает мою руку и смотрит прямо в глаза.

– Я тебе уже говорила, ты слишком заиклился на мести, на справедливости, опусти немного, посмотри, как вода сумеет найти свой путь среди преграды, – Фатима, похлопав меня по руке, встала, – Мы с Баширом не против Амины, дорогой. Иншаалах. Она действительно достойная девушка.

С этими словами и с улыбкой, мама оставляет меня в моём доме. С минуты на минуту ко мне придет Макс Бесов, для которого я приготовил отличную работу, думаю он не должен отказаться, тем более что ему самому это в будущем пригодится.

Глава 3

Амина.

Как любила говорить моя мама, от судьбы не уйдёшь, даже если затеряешься в пустыне, и похоже она точно попала в точку. Смотрю в зеркало на своё отражение, провожу пальцами по своим губам, вспоминаю наш первый с Самиром поцелуй, кажется, что это был сон, но это не так. Закрываю глаза, вновь оживляю в памяти тот момент, когда увидела его за столом на аукционе, мне казалось, что он до последнего не согласится приехать, тем более что недавние события с семьёй Верховских здорово прошли по нашим жизням. Затем, мы встретились глазами, словно началась борьба за наше притяжение, по крайней мере именно это почувствовала. Я давно питаю нежные чувства к этому замечательному мужчине, с тех самых пор, когда пригласил работать в свой дом в качестве гида для своих гостей.

– Добрый день, девушки. – В наш маленький кабинет входит высокий, статный мужчина в темных очках. На плече висит компьютерная сумка, конечно, кто к нам ещё зайдёт, кроме туристов, чтобы договориться об очередной экскурсии. Я полностью погружаюсь в работу, представив своей подруге этого мужчину в распоряжение. Лайза приглашает его присесть, предлагает кофе-чай, а я настолько вошла в работу, как не заметила, что молодой человек обратился ко мне.

– Мне кажется, я вас уже где-то видел, – смотрит на мой бейдж, опустив очки, тем самым заморозив меня своими глазами и этой сексуальной ухмылкой, – Амина, – смакует моё имя, пробует его на вкус и звучание. – Достаточно редкое имя в наше время.

– Возможно и видели, – отвечаю ему, и вновь опускаю глаза на монитор, программа зависает, пытаюсь исправить, но компьютер перестаёт отвечать на мои запросы. Складываю перед собой руки, смотрю в упор, словно гипнотизирую свой ящик, надеюсь, что вновь соизволит заработать. За моими действиями следит этот незнакомец, начинает посмеиваться.

– Извините, вам смешно? – смотрю на него, глаза в глаза. Мужчина встаёт с диванчика, подходит ближе ко мне, кладёт на стол свою сумку, и что-то вынимает из неё. Я же не двигаюсь с места, как будто приросла к креслу, ощутив его мужской парфюм, будто бы никогда не ощущала запаха мужских духов. Естественно, не ощущала так близко, почти фыркаю на свою же мысль.

– Можно? – спрашивает он, присев на корточки, напротив процессора и почти касается моих бёдер. Я отъехала на стуле ближе к стене, дав ему больше пространства, а также, чтобы не почувствовал мою дрожь. Длинная юбка предательски выставляла на показ моё напряжение.

– Что вы пытаетесь сделать? – не сдаюсь. Мужчина молчит, вынул шнуры, посмотрел, что-то пробормотал себе под нос, полностью игнорируя мой вопрос, затем подсоединил свой прибор, одна минута, и мой старичок заработал. Я почти с открытым ртом уставилась на мужчину, но хорошо, что он не видел моего негодования и удивления одновременно.

– У вашего компьютера мало оперативной памяти, – что-то печатает на своём мини приборчике, – конечно, забит старым обновлением системы, – качает головой, затем поднимает её, улыбается и подмигивает мне. – Советую, установить ещё один жестокий диск. – Затем вынимает свою штуковину из моего компьютера, встаёт и сматывает провода, – А обновление, я уже сделал.

Мне показалось, или я услышала некоторый акцент, кажется дома у мамы некоторые слова произносились с такой интонацией.

– Так, где же я мог вас видеть, Амина, – молодой человек садится обратно на диванчик, задумался, а я молчу. Шрам до сих пор не позволяет вспоминать недавние события, и кажется, он вновь начинает гореть, как только я вспоминаю о нём. Осторожно потираю бедро, ни одно моё движение не останется не замеченным. Мужчина вдруг уставился на меня, распахнул глаза,

словно вспомнил, то, о чём давно забыл. – Амина, вы та самая модель, – слова так и повисли в воздухе.

– Не понимаю, о чём вы.

Затем нас прерывает вошедшая Лайза, ставит поднос и обращается к нему.

– Господин, Кхан, у вас особые пожелания к выбору мест?

В этот момент весь мой внутренний мир перевернулся верх дном, потому как я понимаю, кто передо мной сидит. Самир. Компьютерный гений и по совместительству наш несостоявшийся правитель. О Аллах, это точно очередное испытание.

Вновь возвращаюсь к вчерашнему вечеру, кто бы мог подумать, что этот мужчина станет мне женихом, но прекрасно понимаю, что я далеко не подходящая партия. Его отчаянный поступок, назвать меня своей невестой при огромном количестве гостей, в присутствии его семьи, стал шоком для меня, да что говорить – для всех присутствующих. А все из-за танца. Из-за того, что я вышла на замену своей подруги, которая должна была исполнять эту роль.

– Амина, милая, ты должна меня выручить, – умоляет Лайза, местная танцовщица и моя коллега-подруга. Мы обе сидим напротив друг друга в кабинете, где принимаем заказы от самых разных клиентов, провести экскурсию в разных точках города – конечно, это к нам. Мы обе хорошо знакомы с местными краями, поэтому нам легко было открыть что-то вроде своего маленького бизнеса. Отец, был категорически против, чтобы женщины из его семьи работали, но не я, теперь, с лихвой хлебнув "хорошей" жизни, у меня нет права доверять свою судьбу другому человеку. Уж тем более своему отцу, если бы не мама, ни за что не согласилась бы на переезд. Она так гордилась мной, что я сумела вырваться из кошмара, в который нас отправил отец. А всё из-за чего, из-за того, что мама не смогла после меня родить ему наследника. Четыре прерванных беременности, две из которых сорвались уже на 9 месяце. Не могу представить даже чувства моей мамы, когда она теряла своих сыновей. Но Аллах распорядился таким образом, а отец посчитал это знаком свыше, и после последнего случая отправил нас обеих обратно на родину к моей маме. Мне было четырнадцать тогда, уже достаточно взрослая, чтобы понять всю суть отцовской ненависти, как к ней, так и ко мне. Ведь он считает, что виновата именно я. Будто какое-то наказание для него, единственный первенец от любимой женщины, но теперь его любовь к маме испарилась, словно её никогда не было.

Вновь открываю глаза, ощущаю, как по щекам пролились дорожки. Нет. Никогда не дам отцу увидеть моих слёз. Слежу за отражением, смахиваю капельки, затем приглаживаю выступающий шрам на бедре. Обожжённая кожа кислотой до сих пор чувствительна, но благодарна своей судьбе, что отделалась так легко. Розовый оттенок кожи соревнуется с молочным, теперь, я вынуждена прикрывать его, когда надеваю танцевальный костюм.

Ко мне в комнату входит Рамиля, видит, как я стою перед зеркалом, мотает головой и произносит молитву.

– Ты заплатила малую цену за своё восхождение, Амина, – напоминает мне о случившемся, – Могло быть и хуже.

– Куда уж хуже Рамиля, – вздыхая, отвечаю ей. – Отец совсем озверел.

– Я зашла предупредить тебя, дочка, – Рамиля закрывает плотно дверь, щелчок замка отчётливо был слышен в комнате. – Приехал Бахтияр со всей своей свитой, включая жён.

– Что!?

Уставилась на женщину, а саму не на шутку начало трясти. – О, Аллах!!! За что?

– Тише ты, глупая, – хватая меня за руку, подводит к камину, нажимает на статую в виде слона, и камин отъезжает в сторону. Я с открытым ртом смотрю на женщину, ведь прожила в этой комнате четырнадцать лет до отъезда и уже пять после. – Этот ход я не показывала тебе, ты поняла?

Киваю головой.

– Куда он ведёт?

– Там две ветви: одна в кабинет отца, другая на задний двор.

Отмахивается от меня: – Сбила с мысли меня, Амина, если будет необходимость, я хочу, чтобы ты знала о нём. Фархад слишком разгневался. Ты не слушаешь меня, когда я прошу ему не перечить. Твои младшие сёстры смотрят на тебя и начинают подражать, муж не в восторге.

Я понимаю Рамилю и её беспокойство, но поделаться с собой ничего не могу, на виду у всех спокойная, а в душе закалённая бунтарка.

– Рамиля, ты мне как мать, – обнимаю женщину, она действительно беспокоится о моей судьбе, защищает перед отцом и это уже не первый раз. Мачеха тоже прижимает к своей груди, гладит по моей голове.

– Кажется, Бахтияр тоже пришёл просить твоей руки, дочка. – Рамиля говорит с печалью в голосе. – Фархад предупредил меня, что, если ты не угомонишься, моя защита будет бесполезной и он отправит тебя к дяде.

– Только не к нему, нет, нет, – машу головой. – Рамиля, почему он не отдаёт мои документы, я бы с удовольствием уехала обратно в Россию и перестала бы существовать для его семьи.

Голос предательски подрагивает, но я держу себя в руках. Я немного лукавлю сама перед собой, теперь я точно не смогу уехать, только не от Самира. Женщина стирает со своего лица наворачнувшиеся слёзы.

– Потому что ты его кровь, Амина. Первенец.

– Но ведь прежде он выгнал нас с мамой? – я не понимаю, что хочет этим сказать Рамиля. Отец даже глазом не моргнул, когда выставил нас обоих из дома.

– Валентина до сих пор на правах первой жены, дочка, ты ведь должна это знать, – Рамиля никогда не говорила об этом со мной. Значит, давно хотела что-то сказать, но не решается.

– Нет, нет, Рамиля, ты путаешь, – я хмурюсь ещё больше. – Собственными глазами видела документ о разводе с родителями.

Женщина отрицательно машет головой, ничего не отвечая мне, затем почти толкает меня в тайный проход.

– Иди и послушай, о чём Бахтияр пришёл поговорить, – затем камин вновь возвращается на место.

Теперь я имею чёткое представление о строении внутреннего хода в доме. Кирпичные стены с двух сторон, обтянутые паутиной, выполняют декорирующую функцию для нашего зала изнутри дома. Воздух слегка затхлый, но не настолько, чтобы подумать им не пользовались, теперь догадываюсь, есть и с других комнат потайные двери.

Подхожу к предполагаемому месту, где должен находиться кабинет отца, прошупываю осторожно стену, из-за того, что здесь почти темно, я всё-таки нахожу отверстие, открываю его, очень медленно, боюсь на шуметь. И моему взору предстаёт картина: Бахтияр сидит на подушках, позади него три жены, покрытые паранджой, с опущенными головами, что даже глаз не видно, отец тоже разлёгся и покуривает кальян. Я затаила дыхание, хочу услышать, всё, о чём они побеседуют.

– Итак, Фархад, – Бахтияр направляет на него рукой, словно пытается ещё больше привлечь внимания к своей персоне. – До меня дошли слухи, Самир к тебе приезжал сегодня.

Отец смеётся и садится в позу лотоса, втягивает дым и выпускает густым облаком.

– Приезжал. – смотрит на правителя. – Один. – Как бы указывает на женщин, кивнув в их сторону. – Ты зачем пожаловал?

– Всё с тем же, – смеётся. – Я давно приглядывался к твоей дочери. Что скажешь, дочь в обмен на имя и титул?

О, Аллах, услышав, что говорят обо мне, да ещё в таком тоне, стало дурно, стараюсь дышать почти бесшумно. Пусть стены и толстые, но как всегда можно попасться на самом незаметном месте.

– Не интересно, – отрицательно качает головой отец, с трубкой во рту. В этот момент, словно облегчение снизошло до меня. – Если, конечно, не предложишь более значимое, чем свой фальшивый титул.

Бахтияр сидит неподвижно, уставился на отца, руки сжал в кулаки, а на лице заходили ходуном жевалки. Даже я ощутила его злость.

– Я – правитель! Как ты смеешь со мной так разговаривать!?

Отец встаёт с подушек, вижу, что женщины незаметно перешёптываются, держатся за руки, через ткань платьев.

– Убирайся, иначе я припомню тебе, кто именно помог стать этим правителем.

Бахтияр поднимается и его жены тоже. – Ты считаешь, я не оплатил долг, так? – смотрит на отца, но тот молчит. – Значит, – мужчина осматривает кабинет, словно ищет кого-то или точно знает, что их подслушивают. – Пусть будет, по-твоему, Фархад. И, знай, второго шанса я не даю.

– Ступай, Бахтияр, – просит отец, отмахивается от него, как от назойливой мухи. – Сынок, помни о своём месте. Ты заигрался в короля.

Правитель зло стрельнул в сторону отца, рыкнул на своих женщин, затем они покинули кабинет в сопровождении нашей служанки, выпроваживающей их за дверь. Я не спешу покидать укромное место, наблюдаю за отцом, чувствую себя при этом маленькой шпионкой, слегка хихикнула, затем прикрыла рот ладонью, вновь смотрю в глазок, он подошёл к рабочему столу, набирает на стационарном телефоне номер, по комнате раздаются гудки, значит включил на громкую связь. Папа облокотился руками о столешницу, взгляд напряжённый, словно сейчас прожжёт им не в чем неповинный телефон.

– Салам алейкум, Башир, дорогой, – приветствует отец мужчину.

– Алейкум ассалам, Фархад. Чем обязан?

– Да чем же, всё тем же, что и раньше, – оба смеются.

Я же нахожусь в ступоре, никогда бы не подумала, что наши с Самиром отцы так по-дружески могут разговаривать, ведь раньше я не замечала присутствия в доме бывшего правителя.

– Если ты отказываешь Самире, – господин Кхан-старший замолкает, – я не отвечаю за его действия.

– Я ещё не решил, – отец обходит стол и садится в кресло. – Решай проблему с Бахтияром, твой племянник только что был у меня. И хочу сказать, мне не понравился тон его голоса. Может и тебе напомнить, как ты получил своё первенство?

В телефоне по ту сторону стоит тишина, но слышно, что господин Кхан-старший дышит в трубку, даже мне ясно он в ярости.

– Мой брат выбрал свою судьбу сам, и нечего ворошить прошлое. Кажется, мы все сыграли свою роль.

– Дело говоришь, друг. – отец кивает, словно Башир может видеть его безмолвное согласие.

– Так что насчёт детей? – он вновь задаёт вопрос.

– Дал три дня на размышления. И жду тебя с советником.

– ИншаАллах, пусть будет, по-твоему, – соглашается Башир.

– Конечно, будет, по-моему, – сказал отец, но уже тогда, когда господин Кхан-старший положил трубку и наверняка не услышал этих слов.

Понимаю, что делать мне здесь больше нечего, осторожно возвращаю на место защёлку, перевожу дыхание, затем направляюсь к двери в свою комнату, только камин отъезжает и я натываюсь на свою младшую сестрёнку Алию.

– Ааа! – испугавшись, немного прикрикнула, – Алия, чёрт дери тебя!

– Что? – она уставилась на меня – Повтори-ка последнюю фразу, я её запомню.

– Нечего там запоминать, шпионка мелкая.

Сестрёнка смеётся, подходит к моей кровати с балдахинном, шумно прыгает на неё.

– Ты зачем меня ждала, – сажусь рядом с ней. Моя семнадцатилетняя неугомонная сестрёнка, напоминает саму меня в этом возрасте. Не в моём поведении проблема, это наша восточная, горячая кровь, текущая и оживляющая внутреннюю энергию.

– Да вот, узнала, что ты замуж собралась.

– Это не секрет, – фыркаю в ответ, удивила, называется. – Не лукавь, Алия, – поворачиваюсь к ней и щиплю за нос, сестричка начинает смеяться ещё сильнее.

– Ладно, ладно, – хохочет, – сдаюсь. Я хочу воспользоваться твоим тайником.

Я тут же соскакиваю с кровати и наставляю указательный палец на неё, на душе мгновенно поднимается тревожное чувство.

– Даже не смей, Алия, – немного повышаю голос, – даже не смей. И вообще, с какой стати тебе вдруг в голову взбрело, что я разрешу!?

Алия встаёт и подходит ко мне, между нами даже метра нет, нарушая личное пространство, эта нахалка с ухмылкой произносит:

– А Самир Кхан не промах, – подмигивает мне, затем разворачивается и только собирается к выходу, но я успеваю схватить её за локоть и повернуть лицом к себе.

– Что задумала, отвечай, – почти приказываю.

Алия щурит свои черные глазки, вновь обнажает зубки.

– Тайник или последствия, – поднимает руку, и указательным пальцем изображает тикающие часы. Не узнаю свою сестру, будто все дурманом обкурились.

– Ты в своём уме, если пытаешься уловками меня заманить в ловушку? – говорю ей, но продолжаю держать за руку, сжимаю ещё сильнее. На лице Алии видно, что ей становится больно, но терпит, не поддается слабости, так же, как и я.

– Да брось ты, Амина, – теперь девушка смягчается, и ловко выдёргивает руку. – Да Самир только и дышит тобой. Всем это видно, кроме вас двоих.

– Иди с глаз моих, – сама разворачиваюсь в сторону ванной. – Я подумаю насчёт тайника. – подмигиваю ей. – Но, если я почувствую, что ты меня пытаешься подставить, Алия, – поворачиваюсь к ней, внимательно приглядываюсь к своей сестрёнке, которая на глазах превращается в коварную женщину. Мужчины точно будут сходиться по ней с ума. – Узнаешь, на что я способна.

Она согласно кивает головой и выходит из моей комнаты, закрывая за собой дверь.

В голове полная каша, не знаю за которую мысль ухватиться, вновь подношу пальцы к губам, как будто могу повернуть время вспять и снова ощутить губы Самира. Это единственное воспоминание, способное поднять поганое настроение.

Включаю горячую воду в ванну, добавляю масло лаванды, хочу немного успокоить нервы, которые напряжены похлеще струны. Раздеваюсь, и опять вижу себя во весь рост в отражении зеркал. Месть отца. Установил в моей спальне столько зеркал, что не сосчитать, и все во всю мою высоту. Лишний раз наказывает, за то, что работала моделью и напоминает, как легко спустить с небес на землю, заплатив приличную цену. Погружаюсь с головой, волосы расплылись ореолом, создавая подобие короны, выныриваю из воды и закрываю глаза. Затем чувствую прикосновение губ к своим губам. Самир. Улыбаюсь ему, а он мне. Он уже раздетый, и я не стесняюсь его наготы, статного и сильного мужского тела. Он безмолвно залезает ко мне в ванную напротив меня. Я же прижимаюсь к нему сверху, завладеваю его губами, Самир не торопится, исследует мой рот, гладит по спине, направляется к попе и сжимает обеими руками мои ягодицы. Испускаю полу вздох прямо ему в рот, и он ловит моё дыхание, усиливая поцелуй. Тяну его за волосы, они короткие, но это не мешает мне царапать ему голову, возбуждаться обоим. Прерываю наш поцелуй, Самир погружается под воду и находит моё укромное местечко, мучает его, покусывает, затем вновь выныривает и тут я вижу Бахтияра с его ядовитой ухмылкой. Закричала. И резко соскочила в ванной. Сердце колотится, дыхание сбивчи-

вое. Трясу головой, пытаюсь выкинуть из головы образ Бахтияра, аж тошно стало от его вида. Хорошо меня расслабило ароматическое масло. Затем смеюсь сама от себя, ну и фантазии разыгрались. Но губы Самира ощущались так, будто это происходило на самом деле прямо сейчас.

Глава 4

Самир.

Временами в жизни наступают такие моменты, когда у тебя есть всего два выбора, и не важно насколько каждый из них имеет особую ценность. Первый мой выбор был очевидным, кто пойдёт против своей семьи, не каждый, и я не смог. Охраняя отцовскую тайну, сам втянулся в гущу его событий, наплевал на некоторые принципы, по сути становлюсь таким, как и он, вернись бы я на пять лет назад с этими знаниями, несколько раз обдумал, стоит ли жертвовать тронем своему кузену, который, фактически, взял отца шантажом. А второй выбор – Амина. С улыбкой на лице, вспоминаю её образ: карие глаза – открытая душа, к которой я тянусь, как мотылёк на свет, чтобы согреться его теплом, изящное тонкое тело, словно скульптор поработал над его созданием, мягкие пухлые губы, так и притягивают к себе мой взгляд, а то, как она улыбается – моё сердце замирает. И если бы мне сказали, что я влюблён в девушку, непременно поспорил, но Амина засела глубоко в моей душе. Когда я перешёл эту чёрту, что девушка стала мне не безразлична? Ищу в памяти наши совместные моменты: их множество, и самый первый, который пришёл на ум – это наша с ней прогулка по её проекту – молодой сад, где высажены деревья, почти каждое её собственными руками, что довольно редко в наше время, образуют некий лабиринт, но пока посадки совсем молодые, и заблудиться не представляется возможным. На открытие этого сада я был приглашён ею лично, это случилось приблизительно год назад.

– Господин Кхан, – обращается ко мне Амина, перед этим пару раз стукнув по косяку двери и заглядывая в мой кабинет.

– Амина, рухи (моя душа), – при упоминании этого ласкового слова, девушка слегка краснеет, из-за молочного оттенка кожи, отчётливо становятся видны её алые щёчки, – ну какой я господин, мы же договорились, просто Самир.

Она покорно кивает, но взгляд не опускает, как делают многие женщины в нашей стране. Девушка входит вовнутрь, нет ни платка, ни покрывающих тканей её тела – настоящая современная женщина, и это в ней мне нравится. Для себя решил, что никогда не женюсь на женщине наших традиций, слишком большая ответственность перед семьями, перед обычаями – слишком всё усложнено. Я всегда считал и буду считать, что женщина равня мне, а Амина воплощение этого примера. Я пригласил её к себе вновь для работы, её экскурсии по нашим местам завораживают всех наших гостей, то, как она рассказывает, описывает события, истории и легенды – заставляет проникнуться ещё больше к желанию узнать о восточном мире, а как эта таинственность притягивает европейцев, которые никогда не поймут наших правил, от того и тянутся к бездне, к тому, чтобы соприкоснуться с запретным, вкусить это яблоко, но оно слишком непредсказуемо даже для самих местных жителей.

– Самир, – Амина присаживается напротив меня, руки положила на бёдра, каждое её движение не остаётся мной незамеченным, пытаюсь обуздать в себе желание, просыпающееся при наших встречах. – Помнишь, я упоминала, что проект по посадке сада близится к завершению? – Я киваю головой в знак согласия, конечно, я помню – я помню обо всем, что касается этой милой девушки. – Мы назначили дату, – вынимает из кармана платья пригласительную открытку, – Вот, прими пожалуйста. – Протягивает её мне, и я принимаю открытку, слегка касаясь её руки – бархат, определённно он самый, мгновение совсем незначительно мало, но мы его чувствуем, встречаемся взглядами, у обоих глаза горят желанием, страстью, и только мы собираемся двинуться навстречу к друг другу, как тут же раздаётся телефонный звонок. Оба вздрагиваем, и вновь возвращаемся в реальность.

– Спасибо, Амина, – киваю головой в знак благодарности, но не спешу принять вызов, хочу подольше продлить момент её присутствия в кабинете, чтобы комната впитала её жен-

ственный аромат, флюиды, которые приковывают цепью к ней и в то же время не оставляют замки закрытыми, словно проверяют на прочность, насколько во мне есть выдержки. – Я буду на открытии, рухи (душа моя).

Девушка прячет улыбку, которая касается даже глаз, я тоже посылаю ей свою настолько редкую улыбку, что показалось, Амина слегка удивилась, но приняла её.

– До встречи, Самир, – говорит она, затем встаёт, и я тоже, обхожу свой рабочий стол, не боясь наших запретов на прикосновения к женщине, тем более незамужней, беру её под руку, сгибаю в локте, и прижимаю к себе. Возможно, со стороны это выглядит так по обыденному, но только не для нас. Провожая Амину к двери, она не возмущена моим столь открытым поведением, нарушающего наши святые Граали. Девушка вовсе положила свою вторую руку на мою, словно заключила в замок, взяла моё сердце с особой осторожностью, но не решается заявить на него права, так же, как и я на её. Не оттого, что мы оба чего-то боимся, просто пока не готовы открыться полностью. Наши души тянутся друг к другу, но не разумы, бесконечная борьба сердца и холодного ума, в которой есть только один победитель – в нашем случае это разум. Я провожаю девушку за дверь, до сих пор игнорируя телефон, потому что для меня важен только этот момент нашего с Аминой единения.

Затем я вспоминаю нашу прогулку, уже тогда было ясно, что Фархад, отец Амины, не в восторге, что дочь так открыто общается с мужчиной и с публикой в целом. Заядлый ценитель традиций никак не может приручить свою дочь, для него она так и осталась дикой кошкой в природе. Усмехаюсь, потому что понимаю, Амина унаследовала в себе две горячих крови, одна – русская, сила духа, борьбы, другая – арабская, восточная, в ней вся страсть и горячность, обладая такой смесью из двух огней можно действительно обжечься, либо навсегда затеряться в душе девушки, и похоже, этот огонь пленит меня, притягивает, а я не знаю почему сопротивляюсь, будто боюсь попасть в эти запретные сети. Словно вирус проник в моё сердце и программа не в силах бороться, пытается, но абсолютно в пустую, и я не хочу, чтобы она всё-таки победила этот вирус, наоборот, поглотила целиком, без остатка.

– Амина, ты умница, – хвалю девушку, пожимаю её руку, она не против нашего чувственного прикосновения. Амина улыбается, в глазах искорки, ей нравится, что я могу позволить прикоснуться к ней и не боюсь последствий. – Твой сад будет иметь успех среди туристов и местной знати, вот увидишь. – Я не выпускаю её руку из своей, сжимаю, греюсь её теплом, наслаждаюсь прекрасным моментом. Амина никогда не смущается, не лукавит и не пытается найти в чем-то свою выгоду – честная и искренняя. Обращаю внимание, что Фархад стоит недалеко от нас, он разговаривает со своим родственником, но не выпускает из поля зрения свою дочь. Ему не нравится, что мы у всех на виду так близко беседуем, злится, сжимает кулаки, в глазах столько злобы. Он прерывает свой разговор, родственник проследил за своим братом, увидев нас, что-то сказал своему собеседнику, я кивнул ему в знак приветствия, Амина, заметив моё движение, обернулась, затем в её поведении меняется настроение, она осторожно, с сожалением, выпускает из моей руки свою, опускает взгляд, я вижу, как она что-то шепчет очень тихо. Словно какую-то молитву.

– Спасибо, Самир, что приехал, – открыв глаза, произносит слова благодарности, – спасибо за возможность воплотить этот проект в жизнь.

Беру Амину за подбородок, движение совсем лёгкое, непринуждённое, касаясь пальцами её лица, словно ищу пути, с помощью которых могу отметить на ней своё присутствие, заглядываю в её карие глаза – в них лёгкий страх смешанный с ожиданием, улыбаюсь ей, затем отвечаю:

– Для тебя мне ничего не жалко, – и опускаю взгляд на её пухлые губы, она слегка облизнула кончиком языка их, словно ожидает, что я вкушу её вкус, но я этого не делаю, ибо понимаю, могу навлечь, как на себя, так и на Амину серьёзные последствия. И если мне удастся выкрутиться из этого, то не ей.

Фархад подходит к нам.

– Салам алейкум, Самир, – слегка кланяется. – Спасибо, что оказал честь своим присутствием на этом мероприятии. Все мы знаем, что ты не любитель подобных торжеств, – смеётся, а мы с Аминой стоим молчим, никак не реагирую на его колкость, пусть, даже она и правдивая.

– Это честь для меня, господин Рашид, – тоже немного склонил голову, выражая свою признательность. – Амина и её команда ландшафтных дизайнеров здорово поработали, – намеренно выделяю девушку из остальных, потому что по большому счёту это её идея и заслуга. Фархад сжал свои губы в тонкую полоску, ему не нравится, когда дочь абстрагируется от семьи, его злит её состоятельность и самостоятельность – ведь она воплощение своей матери, женщины, которая сумела не только завладеть сердцем мужчины, но и отнять.

– Наша семья, – начинает говорить Фархад, беря дочь под руку. Вижу, как Амине не приятны его прикосновения, но и перечить у всей публики не решается, – выражает благодарность за оказание финансовой помощи самой династией Кхан.

Намеренно подчёркивает мой титул, повышая голос на последних словах.

– Амина, – теперь я обращаюсь к девушке, но так и не ответив её отцу, она глядит на меня, приковывая взглядом к себе ещё больше, – ко мне приезжают друзья из России, – при упоминании её второй родины, девушка улыбается, и эта улыбка греет мою душу, что смог немного обрадовать её, разбавить негатив, – Анне нужна будет твоя помощь, она непременно захочет посетить наши края и узнать о них во всех подробностях.

– Хорошо, – кивает девушка, – буду ждать твоего звонка.

Фархад все это время стоял молча, наблюдая за нашим диалогом, затем силой проводил девушку к своим родственникам, стоящим неподалёку, отец что-то шептал на ухо дочери, а Амина, хоть и пыталась вырваться из хватки отца, но её тонкое тело не настолько сильно, чтобы выстоять мужское.

Поток моих воспоминаний прерывает вошедший Максим. Как всегда, задумчивый, проживающий в нескольких состояниях одновременно, мой отец часто называет Бесова "потерянным" – будто его душу отняли взамен на что-то более стоящее, чем может быть сама душа. А тень способна на многие вещи, даже те, что мы не в силах контролировать.

– Ну, вот он я, – разводит руками в сторону, чуть ли не приседает в реверанс. Мы оба смеёмся.

– Ты забыл добавить ваше величество или превосходство, ну или мой король, – в ответ шучу я.

Обняв друг друга по-братски, приглашаю Максима присесть.

– Ты не король, чего б я должен был тебя им называть, – бес беспощаден в своих словах, говорит то, что чувствует и о чём думает. – А если серьёзно, – пронзительный чёрный взгляд, уставленный на меня, проникает вглубь души, заставляя ту выворачиваться наизнанку. Словно он заглядывает в меня, для него это своего рода допрос с пристрастием, а для меня терзание. – Времени у меня в обрез, Самир, давай, по существу.

Естественно, киваю головой, понимаю, что друг мог вовсе отказаться приехать, но у меня есть, чем его зацепить.

– Макс, мне нужен доступ к полицейскому профилю, – говорю без увёрток, прямо и чётко озвучиваю свою цель.

Бесов задумался, руки сложил на груди, смотрит в упор, но взгляд где-то за пределами нашей реальности, словно смотрит вдоль чего-то.

– А ещё чего тебе надо? – вдруг отвечает, напряжение выдаёт его с головой, я же остаюсь спокойным. – Как ты успел узнать, – Макс встаёт и начинает прохаживаться по кабинету, стреляя в меня своим колким взглядом, – я прибыл сюда по обмену, потому как на нашем участке, какой-то урод завалил одного вашего шейха, при этом не взяв никаких ценных вещей, и самое поразительное, – бес останавливается, почти прищуривает глаза, отчего лицо стано-

вится в реальности похожим на потерянного демона, жаждущего справедливости, – никаких свидетелей. Ты можешь представить такое? – я отрицательно мотаю головой. – Именно, вот и я не поверил в это. И теперь ваш полицейских департамент весь мозг вынес нашему, будто имело место нечто иное, – тут Макс замолкает, что-то обдумывает, затем машет рукой, будто отмахивается от собственных мыслей. – Ладно, не важно. Но, есть условие.

– Какое? – осторожно спрашиваю, потому как не знаю, что именно он с меня запросит, а у беса вкусы очень редкостные.

Улыбается мне, заставляет нервничать.

– Маргарита Уварова.

Я буквально опешил заявлением Максима.

– Что? Девчонка? – теперь встаю сам, опускаю голову, руки упираю в бока, затем снова смотрю на него, бес стоит и ждёт, – На кой чёрт тебе сдалась Маргарита?

– Ты предложил мне обмен, я дал вариант. – Вот так просто подвёл итог разговора мой друг.

– Надеюсь, ты не сбрендил, – почти фыркаю ему в ответ. – Давай сюда пароль от твоего профиля в полиции.

– А чего не взломал, как обычно ты это делаешь, – намеренно задевает меня за большое, – и кстати, красавчик ты. Девчонку так к рукам прибрать у всех на виду.

Начинает смеяться, и хохот разносится по комнате, беру из его рук, протянутый бейдж с паролем, сажусь за свой компьютер, затем подключаю отслеживающий прибор.

– Нечего нести ересь, Макс, иначе ответишь за слова, – зло бросаю в адрес друга угрозу.

– Успокойся, Самир, – Максим садится обратно на своё место, – лишь хотел поиздеваться. Думаешь, я не помню, как вы с Романом Аньку делили.

При упоминании наших общих друзей, на душе становится спокойно, потому как они действительно достойная пара, прошедшая через мясорубку своего прошлого.

– Вот, – протягиваю ему флешку, – Максим берёт, крутит её в руках.

– Что в ней?

– Твоя медаль за раскрытые громкого дела.

– Я не просил тебя об этом, – а сам всё-таки убирает хорошую зацепку к себе в карман.

– А я тебе и не давал ничего.

Максим встаёт, жмёт мне руку. Только собирается оставить меня, как в кабинет стучатся, мы оба смотрим на входную дверь. Входит служанка, с опущенной головой, обращается ко мне:

– Господин Кхан, прошу прощения за беспокойство, но к вам пожаловал правитель.

Максим заходится хохотом, чем испугал бедную девушку, велев ей выйти и пригласить Бахтияра, я обратился к бесу.

– Останься ещё ненадолго.

Друг понимает мой намёк с полуслова, ведь через что мы с ним и Романом не прошли. Былая ранняя молодость прошла в самых бурных приключениях, касающихся не только девушек, но и мелких хулиганств. Вспомнив эти моменты, усмехаюсь сам себе. Максим вновь возвращается на своё место, берёт сигарету и закуривает. Табачный запах мигом заполонил комнату, овивая дымным ореолом самого себя, Макс закинул голову, втягивая отраву в свои лёгкие.

– Что куришь? – задаю вопрос другу, потому как чувствую в дыме не только табак, но и примесь чего-то постороннего. Смотрю на него с нарисованным на лице вопросом.

– Это не наркота, – отвечает бес, вновь затягивается и намеренно выдыхает в меня. – Решил постепенно отвыкать от них, – крутит в пальцах тлеющую сигарету, смотрит на неё с презрением. – Наш личный доктор Стрендж наколдовал какую-то смесь.

– Леон? – переспрашиваю я, зная о ком говорит Максим.

– Он самый, – друг кивает мне головой, – Наш персональный кошмар университетского времени.

Наш персональный кошмар университетского времени теперь обитает в штатах и похоже ещё не скоро вернётся к себе на родину.

– Былые времена, Макс, навсегда в наших сердцах, – цитирую самого Леона, который пропал из виду и уже не показывается долгое время.

Максим указывает на меня пальцем, и кивает головой: – Однажды стоит повторить своей бандой очередной налёт.

– Намёк понял, – согласно отвечаю, – но не сейчас, Макс. Я сейчас в семейных проблемах, и не знаю, когда вообще вылезу, – вздыхаю. – Если вообще вылезу.

– Что за настрой, брат?! – посмеиваясь, входит Бахтияр. Была бы возможность, задушил бы собственными руками, от мысли передёргиваюсь, потому как вспоминаю из-за чего отец задушил собственного брата.

– Чего тебе? – задаю вопрос, а сам сжимаю кулаки. Во мне кипит злость, ухватившись за которую, боюсь сорваться. У всего есть предел терпения, и я чувствую, что эта черта совсем близка.

– Ахах, – садится напротив Макса, полностью игнорируя моего друга. Сложил ногу на ногу, а руки на груди. Вот он весь Бахтияр, фальшивый клоун, временно властвующий нашими жизнями. – Откажись от Амины.

Соскакиваю со стула. Максим тоже встал, а Бахтияр ухмыляется, добился желаемого результата. Во мне кипит гнев, заявился сюда и пытается теперь вертеть мной, как сделал это с моим отцом.

– Или к чёрту, Бахтияр! – наставляю на него палец, и почти рычу слова: – Только посмей встать у меня на пути, пожалеешь, что вообще связался со мной.

Бахтияр встаёт, так вольно проходится вдоль комнаты, трогает мои вещи, на камине стоит фотография моей семьи: мать и отец, а рядом отдельной карточкой сама улыбающаяся Амина, кузен гладит по ней, словно притрагивается к лицу девушки, отчего в груди начинает саднить.

– Не трогай, – не узнаю сам свой голос, подхожу вплотную к брату, глаза в глаза. – Не смей, Бахтияр. Иначе сам напрочишься на сражение.

– Ну это мы ещё посмотрим, дорогой кузен, – отвечает Бахтияр и отходит от меня на несколько шагов назад. Трус, только трус не способен выстоять схватку, поджав свой хвост, линяет с поля боя. Ухмыляюсь и вновь направляюсь в его сторону, в его глазах прочёл, что не понимает на что он подписался только что. Хватаю его за грудки, и поднимаю, приближая ближе к себе. Максим не спешит вмешиваться, продолжает курить и наблюдать разыгравшееся шоу под носом.

– Я не мой отец, Бахтияр. Глазом не успеешь моргнуть, как слетит твоя корона.

Брат вырывается из моего захвата и толкает меня в грудь, я не сдвинулся с места, на что он рассвирепел и попытался ударить меня, как вчера его я. Перехватив его удар, скручиваю руку и сгибаю пополам своего нерадивого брата.

– Как ты смеешь, Самир, обращаться со мной подобным образом?! Я твой правитель.

Максим стоит и смеётся во всё горло, Бахтияр же напротив от заломанной руки за спину, злится и бранится всеми известными словами.

– Какой ты правитель? – отпускаю его из захвата, и толкаю вперёд ближе к двери, – уходи, Бахтияр, по добру. И только попробуй тронуть Амину, – предупреждаю его, – будут большие проблемы.

– Ещё увидим, у кого будут проблемы, – зло отвечает он. И на выходе из кабинета поворачивается, вновь обращается ко мне: – Ты думаешь, что знаешь всё и обо всём, Самир, дорогой, но это не так. Иногда самый близкий твой самый злейший враг.

– Если ты про себя, – отвечаю ему, – то, извини, это не новость.

– Ты идиот и только.

Затем хлопает дверь. Максим тушит в пепельнице остаток окурка, мотает головой: – Гляди в оба, Самир. Бахтияр ещё тот скользкий змей.

– Максим, я сам переживаю, но больше за Амину, чем за себя. Девушка даже не подозревает в какие сети вплетена.

Я возвращаюсь обратно за свой стол и почти бьюсь головой о столешницу, затем поднимаю голову, придерживая руками, словно молитву проговариваю: – Страшно подумать, если всё вскрыется, как это отразится на нашей семье.

Максим жмёт плечами: – Ну подумаешь семейные разборки, а у кого их не бывает.

Оба посмеиваемся: – Ты всегда видишь во всем свой чёрный позитив.

– Поработай в моей шкуре, и узнаешь на каком я позитиве, – подмигивает, выходя за дверь, кидает через спину: – Не забудь о Маргаритке, – почти пропевает имя девушки. Стало быть, друг не просто так ищет с ней встречи. Ну Максим, ну и затянешь сам себя в любовные сети.

Глава 5

Амина.

Пустыня – огромное песчаное море, в нём тоже легко утонуть, но не водой захлебнёшься, а палящим солнцем и жгучими песками, погружаясь в которые навсегда затеряешься среди долины. Проезжая на экскурсоводном автобусе со множеством туристов вдоль полосы, разделяющей песок от асфальта, рассказываю древнюю легенду, молодые люди внимательно слушают её, внимая каждому моему слову.

– У нас есть легенда "о золотых песках, заключённых в колбу времени". Она гласит, что найти её может только истинная душа, потерявшаяся среди этого моря, – указываю на окно машины, туристы все обращают внимание куда именно я показываю, но мой жест обращён в никуда. – Однажды, в царстве короля Шахира колдунья предсказала, что, найдя этот тайник, можно навсегда обрести вечную молодость. Шахир, наслышанный об этой ведьме, что все её предсказания сбываются в точности до каждого слова, отправил в путь своих верных служителей, чтобы те смогли отыскать и принести ему заветный источник. Но увы, спустя некоторое время никто из пустыни не вернулся. Тогда он вновь отправил ещё нескольких своих подданных, и приказал найти способ вернуться с пустыни с добытой колбой временных песков, иначе их семьи навсегда будут изгнаны из его королевства. Колдунья следила за Шахиром, за каждым его действием, ждала момента открыть королю глаза, что не так просто, взять и получить желаемое, нужно принести в жертву что-то стоящее, потому как любое действие имеет свою цену. Цена же колбы времени – это жизнь. Король же напротив только посмеялся, посчитав ведьму сумасшедшей, велел увести ту в темницу, а если и вторая группа подданных не вернётся, он вновь отправит других, до тех пор, пока не заполучит желаемое.

Ослеплённый желанием обладать вечной молодостью, Шахир не заметил, как прошла вся его жизнь. Абсолютно бессмысленная и пустая, выжженная, как пески солнцем. Однажды он велел слугам привести ведьму к нему, и был крайне удивлён, что женщина ничуть не изменилась внешне. – Ты говорила, что можно найти колбу, лишь истинной душе, так где же мне взять такую?

Женщина внимательно осмотрела сидящего перед ней старика, в глазах пустота и печаль, от того, что потратил свою жизнь не для настоящей жизни, а своим мечтам.

– Ценить следует то, мой король, что мы имеем сейчас. Ты погнался за вечностью, а она даже не показалась тебе на пути. Ты поступил, как малое дитя, играясь с чужими душами, и они заплатили цену своими жизнями за твой каприз. Теперь ты просишь о помощи, но у меня нет для тебя совета.

Шахир разозлился и велел колдунью забить камнями у всех на виду, чтобы после понимали, с королём шутки плохи. За то, что женщина сказала правду в глаза мужчине, она поплатилась своей душой. А пески времени навсегда останутся в сердце пустыни."

– Госпожа Амина, так можно ли в реальности найти этот тайник с временной колбой? – из глубины автобуса я услышала до боли знакомый, слегка грубый, но в то же время сладкий мужской голос. Все внимание туристов было направлено на него. Обращаю свой взор на задние ряды. Самир.

Он выглянул из-за сидения. В кожаной куртке, из-под неё выглядывает белая майка, обтягивающая сильную мускулатуру мужчины, в потрёпанных черных джинсах, сидящих низко на точенных мужских бёдрах, завершают образ надетые черные очки, скрывающие его пронзительный взгляд. Чувствую, как к щекам приливает кровь от смущения, но я не опускаю голову, чтобы скрыть своё стеснение и радость от его присутствия. Продолжаю удерживать на себе взор Самира, но стою на месте, возле своего сидения, держа в руке заготовку – программу поездки по местности.

– Возможно их уже нашли, – с лёгкостью пожимаю плечами, мои волосы развиваются на ветру, задувающего через открытые окна автобуса, пытаюсь одной рукой унять свои локоны, но тщетно. Видя мои мучения и приблизившись достаточно ко мне, нарушая моё личное пространство, Самир осторожно собирает непослушные пряди в хвост, медленно скручивает и затягивает тонкой верёвкой, неизвестно, где он вообще её взял, затем, все ещё держа меня крепко за получившийся хвост, наклоняется и касается губ – совсем легко, еле уловимое прикосновение, но для нас оно значит большее. Я машинально закрываю глаза, когда он оставляет на мне свой след, притрагиваюсь к своим губам пальцами, будто пытаюсь подольше продлить это мгновение. Слышу, как туристы начали хихикать, тут же вспоминаю, что мы не одни. Раскрываю глаза, мужчина снял свои очки, предоставив мне свой яркий взгляд, в нём видна борьба, ещё чуть-чуть и последствия будут необратимые.

– Если однажды мне понадобится найти эти пески времени, я непременно возьму тебя с собой, Амина, – замолкает, ждёт моей реакции на сказанные им слова, я же стою, еле дышу, потому, как боюсь лишиться своего рассудка и воплотить свои фантазии, о которых так давно мечтала и грезила. – Возможно, рухи (моя душа), не в колбе суть, а в цели, с которой ты направляешься.

Затем выпускает из рук мои волосы, вновь прикасается ладонью к щеке, я млею от этого момента. И если бы не отцовские правила, запреты и вечные упрёки на счёт моего поведения, определённо попыталась вырваться из этих оков и показать Самиру себя настоящую, желающую его и скорее всего любящая этого мужчину.

Автобус останавливается возле разбитого гостиничного комплекса, находящегося прямо среди пустыни, туристы разбрелись кто куда, желая приобрести различные сувениры, которые будут напоминать о поездке по восточным краям. Городская жизнь Абу-Даби совершенно отличается от местных жителей, живущих вне его пространства, нетронутая территория цивилизацией воочию показывает, насколько мы всё-таки разные. Слово два времени столкнулись лбами, начали соперничать за право быть под солнцем, за то, чтобы существовать и не нарушать устоявшиеся законы и обычаи. Мы с Самиром направляемся в один из шатров, в котором местные устроили своего рода кафетерий. Здешние мужчины обращают на меня внимание, потому как я не прикрыта платком, да и одежда не совсем соответствует их представлениям, сама смотрю на женщин, в их глазах проскакивает некоторая зависть, непонимание, как я могу, выставляя себя на показ, ходить со спокойной душой. Но они не знают, что во мне их две – я чту их традиции, читаю молитвы, но я не обязана забывать и о второй родине, даже если прожила там очень короткое время.

– Не обращай внимания, – вдруг прошептал Самир, в голосе слышится некоторое понимание, словно он смог прочитать мои размышления.

– Самир, я не могу не обращать на это внимание, – осторожно киваю головой в сторону сидящих женщин у границы шатра, движение еле уловимое, но мужчина понимает, о чём я хочу сказать.

– Им никогда не понять нашей современности, рухи (душа моя), – провожает за столик, помогает присесть на подушки, – Давай перекусим, насладимся этим моментом настоящего времени, словно мы кочевники, случайно наткнувшиеся на цивилизованный мир.

Мы оба рассеялись, но тут же замолкли, стараясь меньше привлекать к себе внимания.

– Почему не предупредил, что захочешь прокатиться на экскурсию? – задаю ему волнующий меня вопрос, а сама в душе понимаю, что Самир не просто так последовал вслед за мной. Зная его скрытую натуру, за всё эти годы, что мы знакомы, он не любитель подобных мероприятий. Самир слегка склоняется в мою сторону, в глазах загадка, тайна, о которой он не собирается со мной делиться, но тем не менее решается открыть лишь её частичку. Будто магнитом притягивает к себе навстречу, я тоже поддаюсь его движению, смотрю только в упор и никуда больше.

– Потому, что знал, ты откажешься, – почти на выдохе произносит слова, смотрит на мои губы, затем вновь в глаза, будто искушение заставляет его нарушить запрет и на виду у всех заявить свои права на меня. Чтобы совсем не распалить этот накал, я разрываю нашу чувственную борьбу, вновь сажусь прямо, беру пиалу с ароматным чаем, разбавленным молоком, словно выставляю преграду между нами.

– Возможно, ты прав, и всё же, хотелось знать истинную причину, – настаиваю на своём.

Самир кивает головой, соглашаясь с моими словами, садится в расслабленную позу, почти полужёжа, смотрит куда-то вдаль, будто пытается разглядеть в этой бескрайней пустыне ответ на свой главный вопрос.

– Амина, вчера я спросил у тебя, готова ли ты пожертвовать своей свободой, чтобы стать мне моей женой, – начал он, а я напряглась от его тона, – ты дала согласие только потому, что решила насолить отцу. Но, рухи (душа моя), хотела бы ты рискнуть ею, если бы я признался, что давно желаю тебя. – Самир поворачивается в мою сторону, застигнув меня врасплох этими речами, проверяет, как я приняла его слова.

– Самир... – только и смогла проговорить, в руках пиала затряслась, от того, что я разнервничалась. Заметив мои колебания, мужчина встал и помог мне, приглашая пройти недалеко от гостиничного комплекса. Самир заплатил за наш обед, поблагодарил хозяина шатра и пожелал ему дальнейшего процветания.

– Господин Кхан, – пожилой мужчина склонил голову, узнав в молодом человеке, того, кто по праву должен занимать своё место на троне, затем обращается ко мне: – Наденьте плавок, госпожа, солнце слишком палящее.

В голосе мужчины не было осуждения, лишь некоторое предупреждение, я оборачиваюсь и вижу, что к шатру приближаются кочевники, понимаю его намёк, чтобы не привлечь внимания уставших мужчин, принимаю из его рук шёлковую ткань.

– Благодарю, – отвечает за меня Самир, затем берёт за руку, переплетая пальцы, показывая всем, что я его. Выйдя из кафетерия, он помогает мне накинуть ткань, чёрный шёлк, покрывающий мои волосы, сливается с ними, словно всегда был частью меня. Самир держит моё лицо в ладонях, направляя его так, чтобы я могла смотреть только на него.

– Я бы сделал тебе комплемент, что тебе идёт это, – он улыбается и я тоже, – но без него ты мне нравишься больше, – целует в носик, заставив меня напрячься, ибо не привыкла к подобному роду открытых жестов, отстраняется. – И всё-таки в нем ты походишь на истинную восточную красавицу.

За смущав меня ещё больше, мы оба направляемся к заветному месту за гостиницей, где расположился ещё один шатёр, для того чтобы туристы могли насладиться бескрайними просторами и красотами завораживающей вдали пустыни.

– Завтра в твой дом придет мой отец с советником, – начал Самир, продолжая крепко держать меня за руку, сжимая ладонь, так, что будто в нем идёт внутренняя борьба, желание и запрет продолжают между собой выяснять, кто же займёт первое место, а кому придётся отступить. – Я бы хотел знать, есть ли у тебя пожелания к нашему брачному контракту, – мы останавливаемся смотрим друг другу в глаза. Мысленно соображаю, что больше всего хочу на свете: свободу или желанного мне мужчину. У меня противоречивые чувства, как ребёнок, требующий получить всё и сразу. Но я продолжаю стоять и молчать. – Понимаю, ты считаешь, будто я намереваюсь отпугнуть тебя, Амина, – Самир вновь притягивает меня к себе. Хорошо, что местные не видят нас, потому как мы бы возмутили их спокойствие подобным проявлением чувств. Я же не сопротивляюсь, ибо понимаю, насколько, моя душа желает принадлежать именно Самиру, быть только его, а он моим. – Рухи (душа моя), мне давно следовало это сделать.

– Что? – не понимаю, о чём он говорит, но затем Самир обнимает меня, прижимая к себе крепче.

– Согласившись на брак со мной, Амина, даю слово, что я всегда буду любить тебя, до тех пор, пока бьётся моё сердце. И даже после... Если Аллах посчитает иначе, я все равно буду бороться до последнего.

Я ахаю от его высказанных слов. Сердце колотится с такой силой, что кажется, выскочит из груди прямо в его руки. Любовь... О чём может мечтать девушка, разве не о таких словах и чувствах слагают стихи поэты и писатели. Даже сам восток пропитан этим чувством, горячностью и страстью. Но любовью легко обжечься, если никогда не знал подобных чувств, как можно понять являются ли они истинными. Видя мою растерянность, Самир опустился на колени передо мной, плавно проводя ладонями по фигуре, словно сам для себя решает, не мираж ли перед ним самим, а я наслаждаюсь его прикосновением, представляю, ощущаю через шёлковое платье его теплоту рук, будто не по ткани ведёт, а по моей оголённой коже.

– Амина, рухи (душа моя), не важно, к какому соглашению придут наши родители, – Самир держит меня за руку одной рукой, а другой достаёт из кармана коробочку. Я моментально подношу к лицу свою свободную руку, словно пытаюсь спрятать свой шок, не веря своим глазам на происходящее так и хочется ущипнуть, чтобы понять, что это далеко не сон. – Знаю, что для нас это необычное дело, но я хочу, чтобы это решение мы приняли сами, а не за нас. – Самир раскрывает пальцем коробочку, в нём лежит браслет из белого золота. – Я сначала хотел подарить тебе кольцо, рухи (душа моя), – в голосе Самира слышатся нотки дрожи, но лишь знающий его так близко поймёт, что мужчина волнуется. – Но посчитал уж слишком вычурным, да и не совсем в духе традиций, а, даря браслет, хочу, чтобы ты знала, насколько сильно будешь привязана ко мне. Не только сердцем, но телом и душой. – Я улыбаюсь ему, затем сама встаю перед ним на колени. Глаза в глаза. Самир крепко удерживает меня, не отпускает ни на секунду, боясь потерять это мгновение. – Амина Рашид, откажешь честь выйти за меня?

Самир затаил дыхание, ждёт моего ответа, каждая частичка его тела выдаёт напряжение, даже скулы на лице проявились, боясь услышать от меня отрицательный ответ. Выпускаю из его руки свою, он будто почувствовал, что проиграл, оседает, но я не даю ему завершить своё действие, обнимаю за шею и притягиваю к своему лицу, впиваясь в его манящие губы, к которым так давно жаждала прикоснуться без всяких преград, так, как хотела бы по-настоящему. Самир обнимает меня за талию, мы оба до сих пор стоим на коленях друг перед другом, под палящим солнцем посреди пустыни – происходящее настолько символично, словно две реки крови слились в одно русло, дополняя друг друга, привнося каждая своё. Поцелуй настолько сладкий, что не хочется останавливаться ни на секунду, продолжая испробовать этот источник страсти, как морфин, к которому тянешься вновь, получив его дозу однажды. Прерываю наш поцелуй, Самир раскрывает глаза, он тоже не верит во все происходящее, что я показала ему, насколько готова отдаться страсти для него и никого больше.

– Да, – ответила коротко, но это слово, как кинжалом прошлось по бумаге, высекая на нем истину, запечатлев навсегда моё согласие. Самир засиял, достаёт из коробочки браслет и надевает мне на запястье, затем произносит слова, словно завершает обряд, закрывая замочек: – Пусть этот браслет для нас станет символом преданности друг другу. Амина, ты хранительница моей души и моего сердца. Даю тебе своё слово, что никогда не стану выше нашего брака – всегда вместе, во всех смыслах.

– Я согласна, Самир. Мои душа и сердце отныне принадлежат только тебе.

После фактического признания любви друг другу, мы оба возвращаемся к туристам, ожидающих нас у автобуса. Замечаю, что за ним стоит мотоцикл и Самир, ещё раз сжав крепко мою руку, затем поднеся её к своим губам, оставляет поцелуй. Я машинально прикладываю свою ладонь к своим губам, словно он только что поцеловал меня, ни одно моё движение не осталось им не замеченным и дорого значащим для мужчины.

– Когда ты успел прихватить свой транспорт? – шучу я. Самир посылает свою хитрую улыбку и стреляет глазами, будто это секрет строжайшей тайны.

– Не бери в голову, рухи. Хочу пригласить тебя завтра после заключения договора на соревнования. И представить официально перед публикой, что ты моя невеста.

До сих пор поверить не могу в происходящее, что теперь я отдала своё сердце этому мужчине, который значит для меня многое, с самых первых минут нашего знакомства, заканчивая этой секундой здесь.

Конечно, я знаю об увлечении автогонками Самира, это его страсть, так он показывает всем остальным, что не боится рисковать, и победа всегда остаётся только за ним. Опасное сочетание его страсти и любви к скорости, каждый раз заставляет щекотать мои нервы. А теперь и вовсе, зная, что мужчина навсегда связан со мной, в глубине души разыгрались тревожные нотки, от того, что его брат способен на все что угодно, но я отбрасываю в сторону негативные мысли, не даю им прорваться наружу и затмить такой момент счастья, как сейчас – наше первое воспоминание, которым однажды будем делиться с Самиром со своими детьми. Понимаю, что я вообразила наших детей, чувствую, как по телу поднимается жар, кровь бурлит от желания тесного соприкосновения, познать это таинство, ибо никогда не чувствовала мужчину настолько близко, не только духовно, но и телесно. Заметив моё смущение, Самир подмигивает и оставляет меня с туристами, а сам садится за руль мотоцикла, заводит его, надевает очки и уносится вдаль, оставляя за собой столб пыли.

Возвращаясь обратно в город, в груди нарастает все то же, тревожное ощущение, будто в сердце ковыряются вилкой, пытаюсь вынуть из него самые значимые для меня моменты. Распрощавшись со своими туристами, захожу в кабинет, где сидит Лайза, упорно строчит на клавиатуре сообщения. Девушка лучезарно встречает меня, показывает на поднос, который стоит на моем столе.

– Выпей чаю с дороги, Амина, я знаю, как выматывают эти экскурсии. – Затем девушка внимательно осматривает меня, замечая растерянность. – Ты в порядке? Что-то пошло не так? – в голосе слышно беспокойство, она отодвинула в сторону клавиатуру, ожидая от меня ответа.

– Все в порядке, Лайза, просто действительно устала, – отвечаю коллеге, а сама стягиваю с себя шёлковый платок. Заметив на моем запястье новое приобретение, Лайза спрашивает откуда оно взялось, ведь с утра на руке не было ничего. Я улыбаюсь, посылаю ей свой тёплый взгляд, лишь только от одного воспоминания о Самире в животе бабочки летают, а душа поёт и танцует. Так и не ответив ей ничего, девушка хихикнула, зная о том, что теперь я представлена в качестве невесты.

Наконец рабочий день подошёл к концу, и я возвратилась домой, где на самом пороге дома меня встречает отец и только я его переступаю, как вдруг он хватает меня за руку и дёргает в сторону своего кабинета. Пытаюсь сопротивляться, но тщетно, против силы отца я никогда не могла выстоять. Отец почти швыряет меня в свой кабинет, как только мы отказываемся за его дверь. Не понимаю, чем вызвано его бурное поведение, потираю рукой ту часть своей второй руки, за которую он так сильно ухватился. Боль жгучая, но терпимая. Отец наставляет на меня указательный палец, весь покраснел от ярости, даже сейчас я чувствую сколько в нем сидит этой непонятной мне ненависти ко мне, а главное почему.

– Ты, – трясущимся пальцем тычет в меня, – Как ты смела опозорить мою семью, Амина?

Недоумевая от всего происходящего, я продолжаю стоять и молчать, потому что сказать на его вспыльчивость мне нечего. Замечаю, как в комнату пробралась тихо Рамиля, смотрит на меня умоляющим взглядом, словно просит не начинать перечить отцу, но это не я, если не стану защищаться. Вздёрнув свой подбородок, уставилась на отца, собравшись к ответному отпору.

– Я не понимаю, чем могла опозорить тебя, отец.

– Не понимаешь, значит, – подходит ко мне ближе, дышит часто, старается не перейти грань невозможно, Рамиля прикрывает ладонями своё лицо, боясь того, что сейчас может произойти, но только не я. – Как ты смела на виду у всех вести себя, как потаскуха, целоваться с мужчиной, когда, как Коран запрещает любое прикосновение до свадьбы!!! – глаза стеклянные, отец замахивается и ударяет меня по щеке. Не получилось вчера, сделал сегодня. Тут же хватаюсь за опалённую кожу лица, словно мне прислонили нагретый утюг и прошлись пару раз для усиления боли. В глазах наворачиваются слёзы, но я смаргиваю их, чтобы не показать отцу, насколько могу быть уязвимой перед ним. Осознаю, что за нами с Самиром следили, и кто-то из местных передал отцу, то, что сумел увидеть.

– Я пока не давал согласия, Амина, – вновь в нем закипает злость, – Самир, хоть и благородный мужчина, но даже он не имеет никакого права вести себя так, наплевав на наши законы. Наши обычаи и традиции – святая святых. Благодарю Аллаха, дочь моя, что мне это только на руку, иначе, я бы вывел тебя на площадь перед печатью шейха Зайда и забил камнями до смерти, как это делали наши предки.

Тут понимаю, что отец намекает о моей рассказанной легенде, значит кто-то из туристов был посыльным и доложил ему, как Самир прикоснулся ко мне.

– Фархад, дорогой, – встречает Рамиля, отец оборачивается, не ожидая увидеть жену в кабинете, – сжался над Аминой, прошу тебя. – Она подходит ближе, и берёт его за руки.

– Они оба молоды, и каждый видел иную жизнь, у них свои устои.

Отец слушает Рамилю, на лице ходуном ходят мышцы, выдавая напряжение, которое отец готов вытеснить на мне.

– Рамиля, – почти рычит имя своей жены, и женщина чуть ли не съёживается от такого голоса мужа. – Сколько раз я просил не лезть. Ты вновь её защищаешь. Обычаи и традиции существуют по сей день, и никто, – он смотрит на меня, – никто, Амина, не в праве их нарушать.

Затем отходит и садится на диван, а Рамиля встаёт рядом со мной, обнимает, как мать, защищающая своё собственное дитя.

– Уйди с глаз моих, – отец отмахивается от меня, беря в руку трубку кальяна. – Я ещё думаю, Амина. Думаю.

С этими словами, я вырываюсь из объятий Рамили и уношусь в комнату, закрывая свою дверь на замок, потому как сейчас не готова видеть своих сестёр или её саму. Никогда не прощу отца, что смел поднять на меня руку, словно так наказывает не меня, а мою маму.

Глава 6

Башир.

Наше прошлое – это будущее наших детей, совершив неоправданные поступки тогда, теперь отражаются на настоящем сейчас. Кто бы мог вообще представить, что мактуб (судьба) бьёт по самым уязвимым местам, что, когда-то не представляли особого значения для нас. Теперь, вспоминая последовательность прошлых действий, совершенных мной, я с уверенностью могу указать на тот отрезок времени, где здорово повернул нити судьбы в другую сторону. Запутал их так, что не представляю хватит ли сил вновь натянуть по прямой линии. И что будет со всей нашей династией после. Буря надвигается, пусть мой сын сумел оттянуть этот момент, но он близится, и я это чувствую. Ошибки. За них приходится платить по самой высокой цене, порой, даже цена жизни недостаточно окупает наши грехи. О, Аллах, если бы можно было всё вернуть назад, то я отказался бы от права первенства ещё тогда, и теперь не обременял своего сына тяжким последствием. Но, что пока радует, Самир знает лишь часть правды, остальную ему не удалось найти, и мне бы хотелось, чтобы он никогда её не отыскал.

Поймёт ли он меня, поверит ли? Спорные вопросы. Одно я знаю точно, что вырастил сына слишком упрямым и прямолинейным, честным и справедливым. Конечно, заслуга Фатимы однозначно грандиозная, как мать, она сумела впитать в Самира любовь, которой мы были лишены сами. И видя, как сын встал на защиту девушки, как он влюбляется в неё, готовый к любой битве и неважно сколько придётся пройти испытаний, греет чёрствую душу. Я надеюсь, мой сын сумеет вылезти из этих сетей. Выпутаться и расставить все по своим местам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.